

Куандык Исмагулов

РОК
или как я победил
рак
роман-хроника

18+

Куандык Исмагулов

Рок, или Как я победил рак

<https://litres.ru/74159547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой человек обнаруживает у себя страшное заболевание и находит в себе силы противостоять болезни и победить болезнь и выжить. После победы он он оказывается перед стеной глухого непонимания.

Куандык Исмагулов

Рок, или Как я победил рак

РОК

Роман-хроника

Предисловие

Роман является строго документальным произведением, где речь ведётся от

первого лица, непосредственно от автора и главного участника событий. Роман повествует

о борьбе с раком и о победе над раком. Также описываются события, следовавшие после

фактической победы над раком. К роману прилагаются документы: некоторые данные

медицинской карты, рентгенограммы, компьютерная томография, фотографии и выдержки

из дневника. Роман содержит как бы несколько уровней, которые позволяют читателю

видеть рисуемую картину, сопоставляя текст романа, взгляд автора на происходящее, восприятие автором происходящего и документы.

Роман необычен по нескольким причинам. Во-первых, автору приходилось

описывать то, чего никогда не было, что само по себе представляло немалые трудности. Во-вторых, автор писал

книгу больным, буквально по горячим следам и это наложило

определённый отпечаток на роман. Главное и основное было написано автором к лету

1993г. И, наконец, отпечаток наложила сама тема – рак. О раке писать необыкновенно трудно.

Роман пронизан одной мыслью – показать, что такое рак, и показать, как автору

удалось избежать смерти и победить смерть – на определённом этапе. Автору не удалось

1

добиться чего – либо от онкологов и медицинского освещения моей истории нет. Дело в

том, что, в общем-то, онкология не имеет отношения к ракам мозга. К тому же автор

победил рак фактически без участия медицины. Медицина не смогла использовать эту

победу в научных целях, как этого добивался автор. Что важно – мой случай говорит о том, что рак можно победить, находясь в самом безвыходном положении. Вообще говоря, мозг

неотделим от человеческого организма и человека. Мозг – это и есть человек.

Эта история – уже история.

Куандык Исмагулов

Юрию Карловичу Олеше посвящается

«Стой! Опасная зона! Работа мозга!»

Виктор Цой, гр. «Кино», альбом

«Группа крови»

Метода борьбы с раком мозга

Вступление

У меня был сосед – Шаахметов Канат, 27 лет, женатый,
закончил

физкультурный факультет актюбинского педагогического
института. Он очень

поздно обнаружил опухоль – только тогда, когда ударил
первый частичный

паралич. Пока его обследовали – ударил второй, полный
паралич. В

бессознательном состоянии его повезли в Москву, где ему
сделали

внутричерепную операцию (вырезали поражённые участ-
ки мозга). После

операции Канат прожил немногим больше полугода – в
начале ноября он умер.

По всей видимости, болезнь развивалась в течение всего
90-года, то есть

незаметно для Каната захватывала всё новые участки, по-
ка не добралась до

жизненно важных центров. И только при резком ухудше-
нии здоровья болезнь

обнаружилась. Т.е рак был обнаружен тогда, когда бороться с ним было уже

бесполезно – разрушительную работу он уже проделал. Канат умер в ноябре

1991 года. При всём при этом Канат никогда не терял ясности сознания, владел памятью и даже частично не сходил с ума. Интересные особенности: сухость во рту и отвращение к холодной воде, некоторое неприятие воды

2

вообще. После операции Канат очень много смеялся – видимо, это была

разрядка. Но жажды жизни в нём не было, ему не за что было цепляться (я

его знаю с 18 лет). Да и слабоват он был, хоть и занимался спортом.

Моё состояние

31 декабря я ехал с работы и в автобусе заснул. Меня это очень удивило: я привык

настраиваться на праздник, к тому же я перед работой выспался, и спать вообще-то не хотел.

Даже с ночи (после работы в ночную смену) я обычно не засыпаю. Придя

домой, я не смог себя заставить куда-либо пойти и заснул. Утром я на работу проспал и понял, что я болею . Обычно я всегда нахожу причину за-

болевания (даже если я заразился, то я всегда точно вспоминаю от кого именно я заразился).Насчёт болезней у меня чутьё

волчье, к тому же я прекрасно знаю свой организм- я его сам делал и обкатывал. А тут не

могу найти причину, нету просто явной причины. Тогда я понял, что эта болезнь связана с

мозгами. Мозг сам ничего не чувствует - в мозгу только виски реагируют. Смотрю - виски у

меня и побаливают. И напряжение в голове такое, неестественное. Я буквально на второй

день почувал неладное, то есть этот самый рак.

После снимка черепа все мои чёрные подозрения подтвердились – блямба была

очевидна. Окончательно я убедился в верности своего диагноза, когда все хором стали

доказывать мне, что это не рак и что нет ничего опасного.

Я давно заметил, что вокруг

смертельно больного человека психология людей, их поведение резко меняются. Все

автоматически начинают дуру гнать. Ко всему этому я похудел так, как никогда не худел.

И ко всему этому я понял, что у меня такая же канитель, что была у Каната (ему

говорили, что у него киста). Я так разумею, что я заразился этим вирусом от Каната.

Заразно всё, что двигается. А двигается в этом мире всё.

Общее положение

Всё дело в том, что мозг никто не лечит. Нет даже такой науки, которая бы

конкретно занималась лечением мозга. Есть нейрохирургия, есть психиатрия, есть

психология, есть генетика мозга и прочие. Единственно практической наукой из выше

перечисленных является нейрохирургия, но она занимается только физическими травмами, то есть это та же хирургия, только черепная и внутричерепная. Лечить же патологические

изменения мозговых тканей нейрохирургия не в состоянии.

Моя же опухоль вызвана не травмой свода черепа и вообще не физическим

действием. И, откровенно говоря, мой свод черепа трудно пробить даже кувалдой. Я в

жизни очень много раз ударялся головой (и чаще как раз в детстве), но у меня никогда не

было даже сотрясения мозга, не говоря уже о какой-то патологии. В июле 91-го я

действительно сильно ударился головой о речное дно. Но весь удар пришёлся не на свод, а

по касательной ушёл в основание черепа и в шею вообще (у меня своеобразный череп, темя у него как топором ско-

шено). Т.е вся сила динамического удара пришлась на шею и это прямо немыслимо, чтобы у меня было закрытое повреждение свода.

Я могу допустить, что у меня было небольшое сотрясение мозга, которое я по

здоровью своему, так сказать, не заметил. Но у меня все полгода болит не голова, а шея. У

меня были сильные головные боли, но они были связаны не с самим мозгом, а с работой

(я работал почти всегда без обеда+свет, вибрация, ферропыль и пр.). Т.е это были

обыкновенные головные боли.31 же декабря, когда я «заболел» (болею - то я уже полгода, болезнь проявила себя только 31-го и другой бы, кстати, этого не почувствовал) никаких

3

головных болей у меня не было Просто я вырубился и понял, что болею. У меня и сейчас

время делится на «до» и «после». У меня сразу же возникли серьёзные опасения. А чутьё

меня никогда не обманывает.

Июль примечателен ещё тем, что в июле я в последний раз видел Каната (он

переехал на Сазду). И в июле же я устроился на АЗФ. Эти полгода я только работал и отдыхал от работы.

Из всего этого можно сделать некоторые выводы.

1. Либо я заразился от Шахметова и это вирусное, инфекционное заболевание.

2. Либо сотрясение, испытанное при ударе, вызвало патологические изменения в коре головного мозга.

3. Либо и то, и другое вызвало данное заболевание.

Логический расклад

Сотрясение мозга у меня было, это я сейчас явственно вспомнил.

Два раза у меня была возвратная головная боль - то есть та боль, которую я

испытывал некоторое время после удара, просто мозг дал мне вспомнить то

состояние, которое было на речке. Но всё равно - существует ведь не

повреждение мозга, а ярко выраженная опухоль. Значит, борьбу нужно вести

не физическим действием - хирургией, и не химическим действием - лекарствами.

Это всё просто не даст положительного эффекта. Опухоль нужно

ликвидировать силами самого организма. А как это сделать? Вот в этом и

состоит моя метода.

Собственно метода

Мозг – у всех мозг. Но у каждого мозга есть свои особенности. Особенность моего

мозга состоит в том, что у меня гармонично развит весь мозг, все жизненно важные

центры и при этом необычайно развита кора головного мозга. Я – личность творческая, очень много думаю и творю. Я пишу стихи, занимаюсь философией и политэкономией, ко

всему отношусь творчески (изучал я, кстати, и человеческий мозг.) Как писал Энгельс –

«человеческая голова – самая неприступная крепость». Энгельс, кстати, один из

образованных людей человечества, не закончил даже гимназию, то есть не имел даже

среднего образования. Человеческий мозг мало изучен отчасти от того, что боятся, отчасти

от того, что нет метода, с помощью которого его можно изучать. Поэтому моя метода – это моя метода, её нелепо с чем-либо сравнивать.

Опухоль в моём мозгу возникла там, где работа мозга менее всего интенсивна – на

макушке. В этом проявилось коварство рака – опухоль там очень трудно достать. Чем

вызвана опухоль? Можно крутить и так и сяк, но любое заболевание вызывается, в

конечном счёте, вирусом, или группой вирусов. Что есть вирус? Вирус – это частица, группа молекул или атомов, родственных живой органической ткани. В человеке самое главное и менее всего изученное - это кровь и только кровь. Именно кровь занимается уничтожением и выводом из организма чужеродных тел и частиц. Уникальная особенность крови - кровь и разрушает, и созидает. Негодные ткани она разрушает и создаёт новые. Увидеть эту работу практически невозможно. Кровь - штука диалектическая и этим замечательна, т. е кровь – это движение.

4

Синтезатор

В человеческом организме обязательно есть синтезатор, - фабрика по выпуску, выработке необходимых организму веществ. Синтезатор находится либо в мозгу, либо их несколько по всему организму. Возможно, что различных синтезаторов много, т. е есть много типов синтезаторов. Я тут имею в виду не железы, которые вырабатывают секреты постоянно. Это общеизвестно. Я имею в виду синтезаторы, вырабатывающие необходимые вещества по мере надобности и по заказу мозга, организма. В этих лабораториях

вырабатывается противоядие. Т.е. подытожим: организм сам находит и вырабатывает

лекарство и лечит поражённые органы. Главное при такой системе что? Не мешать ему, а

помочь. И главное – не мешать. При всём при этом вполне возможно, что сами синтезаторы

- явление не постоянное и возникают тогда, когда это необходимо. К примеру, нужно

химическое соединение ху. В организм в готовом виде оно не поступает, разумеется. В

определённом месте кровь создаёт лабораторию, доставляет необходимые компоненты и

синтезатор изготавливает это необходимое соединение ху.

Я лично склонен предполагать, что сама кровь является синтезатором и

вырабатывает всё на ходу, в движении. Ну, а скорее всего, в организме есть всё и всякое, и постоянное, и временное.

Перед моей кровью стоит сейчас строго определённая задача – ликвидировать

опухоль в коре головного мозга. Каким образом кровь справится с этой задачей? Но

вначале надо понять, каким образом эта опухоль (качественное образование) могла вообще возникнуть?

Как возникла опухоль?

Самый простой ответ – кровь просто не заметила перерождения тканей. Коварство рака

в этом и состоит – он подходит как бы задом. Т.е ткань вроде бы та же, но не та и очень

трудно определить – поражена ткань или это просто нормальное отклонение от нормы $\pm$. И

кровь «ловится» на этом. Не замечает, не обращает внимания, а потом уже поздно. Кроме

этого получается мерзость в квадрате: кровь, вместо того, чтобы уничтожать рак, кормит

его. Или другое предположение, дуалистическое (двойственное). Одна группа вирусов

уничтожает ткани, клетки так, что они как будто живые, а другая группа вирусов

(собственно рак) эти ткани, клетки пожирает. Да, так логичнее. Кровь не может

проникнуть внутрь опухоли и проносится мимо.

Болезнь начала развиваться в июле, и опухоль росла полгода – с июля по январь, прежде чем я её заметил. Это так, иначе объяснить появление опухоли очень трудно, почти

невозможно. В самом деле, если опухоль возникла сразу после удара, то почему я её

почувствовал только спустя полгода? И, если она, так сказать, безвредна (лежит на

макушке блямба, ну и пусть лежит), то почему мне плохо? Значит, полгода я жил и

работал на тяжёлой работе только благодаря своему исключительному здоровью. А

здоровье у меня действительно исключительное.

Эти полгода

5

Я привык работать тяжело не только руками, но и головой, я привык работать

много и тяжело умственно. К 27 годам я устал думать и решать «мировые проблемы». Вот

эти полгода я не думал, мой мозг не работал. Этим и воспользовалась болезнь.

Моё спасение

Единственное моё спасение, если опухоль рассосётся. Вот на это и должны быть

направлены все усилия. Что я делаю? Даю организму установку, вполне конкретную: размыть опухоль, разнести её, разнести по всему мозгу и всему организму. Отдельные

частицы потом уже сама кровь выведет прочь. Затем я резко интенсифицирую работу мозга

– много размышляю. Гоню кровь - пью очень крепкий чай с молоком , занимаюсь

гимнастикой ушу и, что надо отметить – много и часто возбуждаюсь, «нервничаю» и

«злюсь», даже прихожу в исступление (не вообще, конечно, а по конкретному поводу). При

этом окружающих не задеваю. Моё повышенное напряже-

ние замкнуто, так сказать, на
самого меня. Т.е я стараюсь гнать кровь не вообще, а
именно в голову, в мозг. Тем самым
я стараюсь размыть опухоль.

При возбуждении у человека в мозгу увеличивается количество молекул мочевой

кислоты. Дело в том, что возбуждение, возникшее в коре головного мозга, неизбежно

ниспадает в тело, передаётся на мышцы – человек начинает делать быстрые движения.

Химически это значит, что и мозговые частицы уносятся вместе с кровью. В общем, чем

интенсивнее работа мозга, тем быстрее обновляется мозг. Роль уносчика мозгового

вещества выполняет, по-моему, как раз мочева кислота.

Опухоль (можно называть как угодно) – это те же нейроны, только немножко

другие. Значит, уничтожить их значит просто обновить этот участок коры головного мозга.

Короче говоря, естественный процесс обновления тканей нужно интенсифицировать в

определённом месте. Кровь должна растащить опухоль на кусочки. Растворив опухоль во

всём мозговом веществе, я добьюсь чего? Того, что изменится немного химический и

физический состав мозга. Т.е получится нормальное от-

клонение от нормы. В дальнейшем

эти опасные частицы будут выведены из мозга под усиленным конвоем, как и любые чужие, вражеские вещества.

Вот, в принципе, и вся метода. По-моему, знание – сила. И сила вполне

материальная, вполне живая. Но сила является силой, действительной силой только в том

случае, если мозг управляет организмом, а организм управляет всеми происходящими

процессами. Если человек управляет собой. Л.Д Троцкий писал, что новый человек, по всей

видимости, будет полностью управлять своими чувствами, эмоциями и держать под

контролем все процессы, происходящие внутри.

Но рак – необычайно коварная и тяжёлая болезнь. Моё счастье, что я её рано

обнаружил, ведь отклонение было всего лишь на какой-то миллиметр. Даже если опухоль

рассосётся, меня ждёт огромное количество опасностей.

Рассмотрим некоторые из них.

Вывод высокотоксичных веществ из организма.

Опухоль, по-моему, это сгусток трупного яда, или что-то в этом роде. Поэтому

вывести их из мозга – долгая и тяжёлая задача, долгая и тяжёлая работа в первую

очередь крови. Весь этот процесс потребует громадного напряжения всех сил организма.

Без последствий это не останется. Скорее всего, что ликвидировав опухоль, я посажу весь

свой организм, в первую очередь сердце, печень и почки (печень у меня уже посажена

немного, так как я в 15 лет переболел инфекционным гепатитом). Но это ничего, это дело

поправимое.

Главная же опасность подстерегает меня именно при выходе токсичных веществ

из мозга. Яд, распространившись по всему организму, может вызвать паралич и даже

6

смерть (если будут парализованы дыхательные или сердечные мышцы). Значит, после

исчезновения опухоли следует ожидать кризиса. Если я одолею этот кризис, то, значит, я

выживу. Но выжить - понятие растяжимое, относительное. Мне кажется, что у меня всё-таки

будут надолго парализованы ноги. Это – наименьшая потеря, к тому же временная.

Действие опухолевого яда сходно с действием яда кураре. Этот яд прежде всего

попадает в мышцы. Почему? Потому что кровь направляет яд прежде всего и, главным

образом, в мышцу, мышцы. Почему? Потому что мышечные ткани обладают способностью

накапливать яд, если он попал в организм в низкой концентрации. Вот почему мышьяк

(мышца – мышьяк) убивает медленно – он накапливается в мышцах постепенно и

незаметно. Когда яд накопился до смертельной концентрации, человек умирает. Говорят, таким образом был убит Наполеон. Это определили по волосам, так как волос обладает

способностью накапливать у себя яд (яд каким-то образом откладывается в ткани волос).

Наполеону потихоньку подсыпали в пищу мышьяк малыми дозами.

Моя кровь постарается согнать весь яд из мозга вниз, в ноги, в мышцы ног. Яд

отложится в мышцах, и потом постепенно будет выводиться из организма или

расщепляться на безопасные частицы, или то и другое вместе. Поэтому я буду ожидать

паралича ног и, не исключено, что ноги отнимутся у меня надолго. Это не самое страшное, что меня может ожидать. Главное – чтобы опухоль не возникла опять в другом месте.

На все эти процедуры я ложу не менее полугода. Если кризис

пройдёт благополучно, то мне надо будет подлечиться где-

нибудь на водах, восстановить сердце, печень и почки. Мышцы я сам восстанавливаю. Но есть ещё

варианты, которые необходимо рассмотреть.

Хирургический вариант

Не исключено, что кровь окажется не способной ликвидировать опухоль. Тогда она

просто вытолкнет опухоль на поверхность коры головного мозга, образовав между

опухолью и мозгом перемычку – защитный санитарный кордон. В этом случае опухоль не

будет оказывать никакого влияния на работу организма.

Первый боковой снимок был

сделан 10 -го января. Второй боковой снимок был сделан 21-го января. За 11 дней опухоль

переменила своё положение. Если на первом снимке опухоль находится прямо в коре на

какой-то глубине, то на втором снимке опухоль находится уже ближе к поверхности коры.

Из этого следует вывод: кровь уже ведёт борьбу и уже вытолкала опухоль вверх, ближе к

поверхности.

Если так дело пойдёт дальше, то опухоль будет лежать на поверхности, как

ядовитый грибочек, цветок. Вскрываем череп и снимаем его – вот и вся операция. Можно

ещё столкнуть опухоль вниз, ближе к лобным долям. В

лобных долях кровотоков неизмеримо сильнее, чем на макушке. Если опухоль будет локализована, то она будет представлять собой такой жидкий мешочек, который будет болтаться в сосудах. При этом вполне возможно, что кровь сперва сместит опухоль к лобным долям, а потом только начнётся процесс рассасывания.

Из этого всего следует, что с хирургической операцией спешить не следует. На неё можно будет пойти смело тогда, когда опухоль не будет рассасываться и окончательно локализуется.

Общие методы борьбы и некоторые нюансы Раковых больных отличает взгляд. Обречённый, долгий взгляд. Массы людей – это

слабые люди, - люди, которые без поддержки со стороны жить вообще не могут. И массы людей при этом являются обыкновенными идиотами. Идиотизм заключается в том, что

болезненное состояние другого человека они понять не способны. Это натуральный

крестьянизм – если человек с виду здоров и нормален, то, значит, он не болен или болен не

тяжело. А раковые больные чувствуют себя нормально, а

потом три месяца – и человека

нет.

А абсолютное большинство больных без чужой поддержки выжить не могут. Если

больной не чувствует участия в своей судьбе, то он оказывается не способен сам одолеть

болезнь. Потому что рак в первую очередь подавляет волю человека. А если человек в

тяжёлую минуту вдруг увидит, что он, в сущности, никому не нужен, то он поддаётся

болезни и быстро сходит на нет ... Тем более, что особенных причин жить в нашей жизни

нет.

А на моих глазах от рака умерло три человека, поэтому я могу судить с

достаточной точностью (рак мозга, рак матки, и рак пищевода). Вот этот дальний взгляд в

пространство. Потому что человек чувствует, что в нём сама смерть сидит. И вот это

состояние, когда человек ищет опору, поддержку в жизни, можно сказать, смысл жизни, длится всего две недели. Если человек не находит ничего, то он просто начинает умирать и ему уже ничем нельзя помочь.

Рак – необычайно коварная болезнь. Тут не то, что дни – какие-то минуты и

мгновения решают всё. Чуть поддался болезни – считай

хана, она тебя сожрёт. Буквально

чуток поддался и всё, нет тебя, есть живой труп. Поэтому сразу же надо бить тревогу, вставать на уши, ежечасно волноваться и ежеминутно следить за состоянием организма.

Успокаиваться ни в коем случае нельзя! Спокойствие (не покой) – это верная гибель!

Чтобы излечить рак, надо жить в постоянном напряжении не менее полугода.

Внутреннего успокоения не должно быть вообще.

Январь 1992г.

23.08.92

Хотя я ещё могу умереть, всё-таки решил начать написание книги «Рок». Это будет

просто книга. Болезнь открыла столько нового, необычного и неожиданного, что надо

писать обязательно. Это какая-то дурацкая человеческая привычка- событие ещё не

закончилось, а уже описывается. Будет интересно, если напишу книгу, где будет

рассказываться о победе над раком мозга, и после этого умру. И умру-то, может быть, от

какой-то дебильной причины, но подумают (обязательно подумают!), что от рака. А может, правда, от рака умру.

У меня есть необычайно неприятная для других черта - я пророк. То есть я всё

говоря наперёд. Типа «здесь будет город – сад!» Самое странное состоит в том, что город –

сад появляется. В этом отношении я человек необыкновенно наглый. К примеру, я сказал, что стану суперзвездой. Будет очень странно, если стану. А ведь, наверное, стану. Но дело

не в этом. Дело в том, что я всегда уверен. И вот я всегда был уверен в своей победе.

Всегда был уверен. Единственное – я чту и люблю гениев. Зачем мне любить какую-то с

длинными ногами, когда есть гении? Зачем мне эта круговерть, когда я творец? Счастье –

это творчество, произведение произведений. Всё остальное – маета, суета и идиотизм. Пока

что я творю на бумаге и магнитной ленте. И руками я творил, когда работал сварщиком, строителем. Я собственными руками дом построил. Большой дом. А мир изменять ... Тут что-то неверно, напутано. Участвовать в изменении мира – так будет точно. Да и изменять не

нужно – нужно наводить порядок, чистить, мыть что ли. И делать вообще то, что требуется делать. Но дело не в этом.

Дело в том, что мне хочется писать. Я раньше писал от безделья, бежал от скуки, 8

идиотизма. Стихи – это другое. Вот прозу. Я уверен, что художественную прозу может делать

только писатель – профессионал, тот человек, которому хочется писать всё время.

Профессионал испытывает наслаждение от того, что просто пишет. Ему приятно: стол, стул, всё на своих местах, никто не мешает, наблюдений за жизнью много, метафоры сыпятся, как горох из разорвавшегося пакета. Мне кажется странным переписывать, переделывать.

Из своей рабочей практики я знаю, что переделки ни к чему хорошему не приводят. Надо сразу и начисто.

Так и сделаем.

Нога

Я, главное, ногу сломал. Русский язык, я стал замечать, язык довольно дурацкий. К

примеру: дул ветер. Как так – «дул ветер»? Что, есть ветер, который не дует? И вот это тоже

– сломал ногу. Это, конечно, обиходное выражение, но всё равно – как человек может сам

себе сломать ногу? Выражение «был перелом» тоже странно. Будто перелом– это обычное, рядовое явление и оно стоит в одном ряду с такими действиями как «купил молока», «съел

булочку», «трахнул дурочку».

Главное, я знал, что это случится. Я работал сварщиком в промышленном строительстве в Москве. В Москве, кстати, крысы ходят.

Серые. Не бегают, не гуляют, а ходят. Меня это очень удивило. И ворон много. Ворона – чудное существо, ворону почти невозможно подстрелить. Настолько невозможно, что когда попал в ворону, возникает ощущение, будто ворона сама решила попасть под выстрел (Коля Соловов с нашей бригады сделал рогатку и всё охотился на ворон – ни одну ему подстрелить не удалось).

Я по натуре философ, я всё время думаю. Конечно, я не философ прежнего толка, я другой. Мне иногда кажется, что я первый философ на Земле. А до меня мыслителей как таковых не было. Думали, конечно, но не так. А я как? А я люблю думать. Вот так. В этом

отношении я первый человек на земле. Потому что я уж не упомню таких, которые думать

любили бы. Поэтому я, конечно, должен был упасть. Строительство – это ведь лестницы, стены, ямы, леса, и полный идиотизм. При этом, конечно, дело довольно сложное. Поэтому

что делаешь то, чего не было – оно возникает на твоих глазах благодаря твоим рукам.

Мы делали «сауну» (на самом деле строился самый настоящий бордель – я там

впервые узнал, что такое биде). До этого наша бригада была на реконструкции одного из

цехов завода «Серп и молот». На реконструкцию цеха выделили 250 миллионов рублей (или что-то около того) и рабочие говорили, что 40 миллионов тут же украли. Бригада наша была как бы привилегированной, так как бригадир был заслуженный строитель России, тогда редкое почетное звание (он такие вещи рассказывал про строительство – закачаешься, больше я никогда ничего подобного не слышал и про такое не читал). Было в цеху собрание, на котором выступал представитель ЦК (КПСС, разумеется). Такой старичок в чёрном костюме и белой рубашке, речь его была бесцветной, голый официоз по бумажке.

Я не удивлялся, потому что это был второй представитель ЦК, которого я видел (первый был на заводе ферросплавов, где я начинал работать сварщиком). Стоящие рядом рабочие говорили: «лучше бы выяснил, куда делись 40 миллионов». Я так думаю, и не думаю, что я ошибаюсь, что часть этих денег пошла на строительство сауны, на строительство которой и направили нашу бригаду. Сауна строилась на стадионе завода «Серп и молот».

Упал я со стены. Мы эту стену как раз «ложили» (выкладывали). Стена узкая была, ставили бетонные блоки – тройки (третьего разме-

ра). На эту стену поставили краном, с помощью автокрана, железный большой ящик с цементным раствором. Ящик, ёмкость

эту, установили так, чтобы было равновесие, чтобы ящик не шатался, не колебался, так

как через него нужно было прошагивать, переходить. То есть стена была уже наполовину

готова, и мы в тот день, в пятницу, продолжали растить стену, ложить блоки. Примерно в

четыре часа, в конце рабочего дня, я наступил ногой в этот ящик, в эту ёмкость (полтора

на два на пятьдесят) – ящик резко покачнулся и я полетел вместе с ним. Летел я, естественно, вниз. Как я уже после понял, из ящика брали раствор, и равновесие

9

постепенно нарушилось. И, благодаря всем физическим законам я, конечно, полетел. Можно

сказать «рухнул», но у меня было ощущение полёта. Летел я лицом вниз, и мне

исключительно повезло – я не разбил лицо, не сломал руки, не ударился грудью. Я упал

удивительно удачно – ни одной царапины! Вот что значит заниматься спортом! В полёте моё

тело организовалось наилучшим образом – я ударился об землю ногами. И ящик упал рядом

(бадя называется). Что касается везения, то мне всегда

везло именно в таких случаях.

Перелом пяточной кости левой ноги и ушиб правой. Перелом удачный – кость

(прямо - набалдашник) раскололась прямо посередине. Ночь пробредил, десять дней

пролежал в больнице и всё. Правда, потом я ещё три месяца сидел дома, в общежитии, два

с половиной месяца в гипсе и ходил на костылях. Волком был, надо сказать. А, вообще, я

чуть не убился тогда. Полетел я с высоты три метра сорок сантиметров, примерно. Иван, крановщик, видевший моё падение, побелел, трясся от ужаса и слова вымолвить не мог.

В больнице я лежал не в травматологическом отделении, а в хирургии. В палате

лежали главным образом порезанные. Стаса порезали в ссоре за бутылку водки (Стас

ночью нёс бутылку в руке, какой-то мужик подошёл и попросил налить, похмелить – Стас

ему отказал). Влада порезал тесть сапожным ножом при совместном распитии спиртных

напитков. Также был такой папа Саша, он вступился за девушку, его подростки ударили

ногой и сломали ему ребро. Папа Саша был весёлый человек, бомж, одинокий, беззубый, с

животом, начитанный. Он буквально всю палату лечил смехом. Рассказчик он был умелый –

щербатый, волосы курчавые, движения ловкие. Своими рассказами и сценками он доводил

всех нас до хохота, до стонов. Стас и Влад чаще всего уходили из палаты, когда папа

Саша начинал спектакль – им же много смеяться нельзя было, швы могли разойтись.

Вообще папа Саша добрый был. Как мало я встречал таких людей!

Также меня удивил араб – палестинец. Как он попал в больницу на окраине

Москвы, непонятно (район был Бескудниково, осень была, сентябрь 1989 г.). Курчавый, студент, глаза с арабскими белками, по-русски ни в зуб ногой, горячий. Восторженно он говорил, вернее, вскрикивал – Маркс, Ленин! На Горбачёва шипел – предатель.

История также получилась с костылями. В больнице мне сказали, что костыли

дефицит и их нужно достать. Позвонил всем знакомым, объяснил ситуацию и, в результате

у меня оказалось, не помню, то ли две, то ли три пары костылей. Я оставил себе костыли, которые мне привёз Владимир Николаевич Страдымов, мой очень хороший знакомый, кандидат философских наук, преподаватель Академии внешней торговли.

И каждые десять дней продлять больничный лист! На костылях, на двух автобусах

и ещё пешком шкандыбать по осенней грязи! Вот такая медицина.

Вот после всего этого думаю – пора, пора уходить, иначе в следующий раз я точно

убьюсь. А я до этого на работе горел раз, раз провалился в трубу вентиляционную. Так что, думаю, пора. И вот тогда я зарёкся больше не работать. Думаю, а чем заняться? Думаю, рок-музыкой займусь. Профессионально займусь. Летом 1990 г. я увольняюсь с работы, прекращаю все дела. Я решил уехать домой, в Актюбинск.

За то время, что я был в гипсе, я растолстел невероятно – стал весить 95 кг! Такой

массы тела я никогда в своей жизни не достигал. Думаю, в общем – то, не нужно мне это, такой вес. И тут, в январе 1990 г. читаю возле подъезда объявление: организуется группа

для занятий каратэ. Во, думаю, это то, что мне надо. Записался я в эту секцию и

занимался полгода, до лета – каратэ, ушу и рукопашным боем. Учителем нашим был Али

Оглы, Олег Алиевич (фамилию его я так и не расслышал), капитан морской пехоты спецназ, при нас он получил капитана. Он семь лет плавал в Индийском океане, а база у них была, конечно, в Североморске. Али Оглы был замполитом корабля и учился в военно –

политической академии им. Ленина. Наше общежитие и общежитие военных находились на

одной улице: наше в начале, военных - в конце улицы (Абрамцевской).

Вот Али Оглы и организовал секцию из местных ребят, занятия проводились в

ближайшей школе. Я был лучшим учеником - на кумитэ валил всех без разбору. А один раз

завалил одного просто феерически: мне вся группа аплодировала в восторге, и сам Али

Оглы не мог сдержать восхищения. Особо он отметил: «комплексия медведя и быстрота

обезьяны». Хотя это произошло, когда я прозанимался всего три месяца. Ещё меня учил

Джамал, сосед по общежитию, он был инструктором по ушу (независимо от Али Оглы).

10

Действительно, ушу (китайской борьбой) он владел великолепно. Вообще состав в нашей

группе был сильным – большинство - ребята взрослые, рослые, были парни, которые

служили в морской пехоте, в ВДВ (Джамал и служил в армии в спецназе ВДВ, сам он был азербайджанец из Тбилиси).

Мы занимались по школе санэ. А это значит смертельный бой. В сущности, школа

санэ учит рукопашному бою не на жизнь, а на смерть, с использованием приёмов и ударов

самого широкого спектра. Несущим стержнем было каратэ. Али Оглы учил нас

практическому бою – не только татами и не столько татами (спорт), а борьба и схватки в

жизни – на улице, в подъезде, в автобусе, ночью, использованию любых подручных средств.

Это очень трудно - научиться бою в данных обстоятельствах, трудно драться не в кимоно, а в одежде, особенно зимней, в обуви. Я научился биться в любых обстоятельствах - впоследствии я бил и в автобусе, и ночью, и один против всех, а однажды выбил парня, который, бежал на меня с борьбой, правда, алюминиевой.

На занятиях был один интересный эпизод. Занимался тоже земляк мой, Жанибеков.

И вот этот Жанибеков глухо влетел. Дело было в том, что учитель предупредил « не надо

меня проверять, провоцировать, я могу среагировать и будет плохо, не шутите с этим.» То

есть приёмы учитель показывал слабыми, мягкими движениями и отвечать ему нужно

было так же мягко (в данном случае речь шла об ударе). Как он ведёт, бой никто не видел, и многих подмывало узнать. Вот Жанибеков и узнал. У него оказалось сломанным ребро

(или два ребра) в районе сердца – полторы недели он пролежал в больнице. А ведь и

умереть мог на месте (на мягкий удар Али Оглы Жанибеков ответил ударом жёстким, настоящим – у Али Оглы ментально сработала реакция). Али Оглы ростом маленький был, никак не скажешь, что морская пехота. Но драться он умел – я лично три раза

подумал бы, прежде чем, вступить с ним в бой, хотя я физически был гораздо мощнее его.

И знал Али Оглы необычайно много: кубинскую борьбу, американскую полицейскую борьбу, джиу - джитсу, алжирскую борьбу, самбо, дзюдо, тайский бокс, таэквондо и многое другое.

Накачал он меня конкретно – три года прошло, а я до сих пор усваиваю данный им

материал. Спасибо, Олег Алиевич!

Понравилась мне философия восточной борьбы, её духовная аура, нашёл я

необычайно полезной гимнастику ушу (кун фу), особенно дыхательную, развил я своё тело

очень хорошо. И вес нормализовал. С лета 1990 г. занятия я прекратил, так как не хотел

быть профессиональным спортсменом – я овладел каратэ принципиально и понял, что мои

способности позволяют мне добиться в восточной борьбе совершенства. Тогда для меня

это было достаточно. Олег Алиевич обещал нам, лучшим ученикам, сделать удостоверения

инструкторов по рукопашному бою к осени, и зря я не взял это

удостоверение.

В июне я уволился с работы, на сберегательной книжке у меня было семьсот

рублей. Приехали ко мне мать с братишками, делали покупки, среднему брату нужно было

делать операцию - вставлять искусственный хрусталик в «Микрохирургии глаза» Фёдорова.

Этот братишка и остался и с ним я сходил на последний концерт Виктора Цоя, группы

«Кино». Это был красивый концерт. Виктор пел, задрал свою орлиную голову, пел в небо, горлом, белая гитара, фейерверк, космос – я видел звёздный час человека.

Тут подвернулась шабашка (в России ещё говорят «халтура») – постройка дома. Это

ещё весной там же, где я работал, ко мне подошёл дед, живущий в ближайшем, так

называемом, сталинском, доме. Дед объяснил: дом – дачу нужно построить, вы можете

взяться? Я ответил в свойственной мне манере: «мы всё можем». Тем не менее, никто из

моей бригады за эту работу не взялся. В июне я вышел на деда и предложил свои услуги –

дед согласился (дачу дед решил построить для дочки, зятя и внука). Общежитие, в котором

я жил – «китайская стена», все живущие – строители, тем не менее, бригаду я собрал с огромным трудом. Удалось «подписать» Серёгу, здорового архангельского мужика (был он сантехником и алкоголиком, мы с ним дружили) и Алика, тонкого узбека (Алик согласился работать только одну неделю, больше не мог – учился в каком-то торговом техникуме).

Серёгу я уламывал две недели и, всё равно, мне пришлось тащить его силой (бесспорно, русские мужики подобны бабам – их надо долго уговаривать, нужно применять силу, 11 «ломать»). «Купил» я Серёгу тем, что на работе предполагалась каждодневная выпивка, вернее польстился он, как мне думается, только на водку. А ещё чеснок – на даче его можно было есть сколько угодно. Серёга не верил, что мне удастся построить дом – он всё

ныл: «да не построим мы, да не получится ничего, специалиста надо». Он потом и на работе

ныл, и мне пришлось выбить из него пессимизм угрозой применения физической силы

(Серёга тоже немного ходил на каратэ, был он мешок, так что он знал, что я такое). Я не

сказал – я до армии четыре года занимался вольной борьбой, был призёром области, а

область тогда держала второе место в Казахстане. Больших высот я не достиг, тому много

причин и одна из главных, я думаю, — болезнь Боткина.

А я, действительно, таких домов и в глаза не видел, сборно — щитовой, 70 кв.

метров, пол, потолок, три комнаты, туалет, ванная, двускатная шиферная крыша, веранда, два крыльца. Архангельский, кстати. Фундамент делали вчетвером — я, Серёга и двое парней, которых нашла хозяйка (один был татарин и, что меня удивило — жил он в моём подъезде, и я его до этого никогда не видел). Фундамент мы сделали за два дня, получили по двести

рублей и двое парней забухали — проще говоря, они пропали, так как испугались делать

сам дом (после этого я собрал свою бригаду).

Дом я поставил за две недели. Это при том, что один день я затратил на

переделку пола — хозяйке потолок показался низким. И на крыше мы запаролись из-за

хозяина. Подполковник — ракетчик, украинец, невероятно тупой и упрямый, как ишак. Один

раз он меня до того взбесил, что я на него чуть не наехал. Два высших образования, петлицы автомобильных войск, но таких баранов я мало встречал. Может он в своём

военном деле что-то соображал, не знаю, но во всём остальном ... Да, он ещё самогон

хороший делал. Он лаги на крыше прибил криво, нарушив пропорцию — два дня мы

мучились, зубами скрипели: с одного края шифер лежит нормально, с другого – вылезает на метр. Я ему развивал диалектику, мол, кривое – это прямое, и наоборот, но понял он это совершенно идиотским образом. Мучились, мучились, но всё-таки шифер уложили более или менее ровно. Непонятка вышла также с полом. По чертежу был один вариант пола, а в наличии оказались детали другие. Должен был быть пол на балках, а в наличии нужных деталей не оказалось и пришлось делать пол на кирпичных столбиках. Также Валера, как выяснилось, яму под фундамент вырыл, подготовил неточно, ошибся на двадцать сантиметров – пришлось подрезать панель. Вообще было два чертежа, один и тот же дом с некоторыми различиями.

Поясню насчёт деда. Дядь Ваня был полковником ВВС, ездил на чёрной «Волге», воевал в морской пехоте на так называемой Малой земле – те, кто воевал на Малой земле, были особо привилегированными среди ветеранов Великой Отечественной. Они стали такими после выхода «книги» Брежнева «Малая земля». Как-то раз сидим со Светой, хозяйкой, на фундаментном блоке и Света меня спрашивает так, серьёзно: «Коля, а как ты

относишься к Брежневу?» Я задумался и отвечаю так же серьёзно: « Хороший мужик, но дура-а-к...» Света расхохоталась так, что чуть с блока не упала, и я тоже.

Работа плотницкая была, дерево всё, я, наверное, тысячу гвоздей забил, руки горели. Горела также и голова - каждые пять минут я бегал к чертежу (до этого я никогда с чертежами не работал). Работу мы недоделали немного, гвоздей не хватило и водка

«кончилась» (Света никак не предполагала, что мы сможем пить водку каждый день в течение двух недель). Что было прекрасно - вода. Воду мы брали с родника, который был оборудован как колодец. Что было плохо – не было курить. Света иногда что-то доставала.

Все на участке изумлялись скорости строительства. Не было ничего и вдруг дом стоит. Особенно изумлялись тому, что я казах. Пятьдесят участков там было, и все хозяева были военные. Раньше там была какая-то радиотехническая часть, часть убрали и землю отдали под дачи в основном лётчикам, лётному составу. К примеру, соседом Светы был редактор военно-лётного журнала. Я с ним разговаривал, он всё сокрушался по поводу

коммунизма (тогда по всей стране шёл отказ от всего коммунистического). Я молчал, так

как все основные вопросы по всем «измам» я для себя решил. Всё объяснять долго и

сложно, тем более что проблема рака стоит, и должна стоять вне политики (а если кто-то

руководствуется в этом деле политикой, тот законченный кретин). Одно могу сказать

определённо: моих политических взглядов никто не знает и никогда не знал (добавление

12

2023г.) Деревня Дурниха по Новорязанской трассе, ехать от метро «Выхино», бывшая «Ж».

Что там было удивительно – целыми днями над нами летали и реяли СУ – 27. Классные

пируэты проделывали лётчики, фигуры высшего пилотажа, парные комбинации, групповые

полёты. Это не удивительно, что они там летали – Жуковский ведь рядом был, за рекой

(Жуковский – это город). А один раз над нами пролетел, не знаю даже как назвать, мотодельтаплан, что ли... Что-то вроде воздушного мотовелосипеда, на малой высоте, чуть выше сосен, прострекотал. На нём какой-то мужик сидел. Тоже интересно.

Заработал я на этом деле около полутора тысяч рублей. По тем временам это

были большие деньги (тогда средняя зарплата была 190 рублей). В августе я полетел домой, 13 августа. Я хотел ехать в Москву в начале сентября, мне нужно было доделать дела (в

том числе и дом) и братишке нужно было опять в «Микрохирургию глаза» на

предоперационную процедуру. Тогда я заметил, что братишка какой-то ненормальный, а со

временем он стал вырождением, фашистом. Он родился слабым, больным после смерти моего

первого брата, я много с ним возился (в семь месяцев у него уже была пневмония), отпаивал чаем с мёдом, с молоком, думал, выправится. Не выправился ... И хотел я Цоя

найти, познакомиться с ним, поговорить. Я не знал, что последние два года он жил в

Москве, мы даже жили на одной ветке метро – Калужско-Рижской, Цой где-то на

Черёмушках, а я в Бибирево. Как я потом узнал, Цой любил отдыхать в ресторане

«Черёмушки», а я там раз был в 1984 году, напился там до ужаса с подполковником КГБ, попал в отделение милиции на станции метро «Свиблово», потому что облевался... (блевал я

в урну). Я учился тогда в ПТУ, летом случайно встретил одноклассника, который учился в

институте стали и сплавов, он дал мне свой адрес в обще-

житии. И вот в октябре я к нему

заехал и он, заняв червонец (десять рублей), повёл меня в ресторан.

Надо сказать, что поначалу песни группы «Кино» мне не понравились, я не понял

ничего, а слушал я «Группу крови»! Долго я постигал вещи Цоя и в 1990 г. они мне уже

нравились больше других, заводили они меня и воодушевляли. И именно тогда в 1990, я

почувствовал духовное родство с этим человеком. Более того, я почувствовал, что Виктор –

это тот человек, который может стать мне другом, товарищем и братом.

17-го узнаю – разбился. Я сперва не поверил: «дурак он, что ли?». Потом читаю –

да, разбился. Ведь он всё знал!

У меня любовь была, училась в Московском университете на философском

факультете, сама из Горького (Нижнего Новгорода). Познакомился я с ней в 1987 году, во

время поступления в МГУ на тот же факультет. Я не поступил, она тоже, но её взяли

осенью, после того как шесть первокурсников отказались ехать на уборку картофеля

(такая традиция была у властей Советского Союза, каждый год гнать на уборку урожая

всех). Шесть непокорных отчислили, а на их место взяли шесть человек из числа

абитуриентов. Дубина она была стоеросовая, ничего с ней не получалось, я слышал от неё

только «нет». Ну, любовь зла – полюбишь и коза. Три года я мучился, плавился от любви, и

это тоже сыграло в своё время свою роковую роль. Смерть Цоя подтолкнула меня к ней, хотя ничего уже не было, но я захотел её увидеть и позвонил ей в Горький. Действительно, она была там, но со мной говорить не стала, лишь что-то промывчала невразумительное. Я

решил ехать в Горький, оттуда в Москву. Вот прямо так, захотел и поехал. На вокзале

вышел на перрон – поезд стоит. Подошёл к проводнику: «возьми до Куйбышева», взял. Из

Куйбышева (Самары) поехал по Волге на теплоходе «Метеор» до Казани, а с Казани до

Горького. Это не блажь была – поездом я никак не мог доехать с Куйбышева до Горького.

Вообще, мне проще было доехать до Москвы, а с Москвы – до Горького, но я этого не

знал, и я так вообще не двигаюсь. Получилось путешествие по Волге.

В пути жестоко страдал от отсутствия курева – оно как раз тогда пропало

повсеместно. Помню, в Тольятти вышел. Курить хочу, аж

уши трещат. Смотрю, американцы с теплохода «Максим Горький» сходят. Спрашиваю курить – или не курят, или курят трубку.

Потом думаю, может этот «Максим Горький» быстрее идёт и тоже в Горький? У одной

американки, пожилой дамы, спрашиваю: «Максим Горький» до Горького идёт? Так она и не поняла, сколько я ей ни объяснял.

Волга – это светло. Вот у меня осталось ощущение синего и светлого. Все города

понравились, кроме Горького. Самара, Ульяновск, Тольятти – хорошо. Казань тоже ничего (в

13

Казани я уже бывал). В Казани я ночь просидел в речном порту с Валерой. Валера с

Бузулука, рабочий – водитель, всю ночь меня смешил – очень смешно рассказывал о жизни

в волжской глубинке. А Горький – дрянь город. И грязный, и несуразный, бескультурный.

Молодёжь какая-то вертлявая. Один прохожий угостил меня сигаретой «Опал» болгарского

производства. Знакомая моя уже укатила в Москву, соседка её мне сказала. Кстати, отношение соседей к моей знакомой было: « а - а, эта...». Неуважительное. Из этого я

заклучил, что Лена – не то. К ней и в МГУ плохо относились. Допустим, чтобы обо мне

сказали так пренебрежительно – это немыслимо. Ну, любовь зла...

Поехал я на вокзал. За билетами толпа, вокзал противный, в буфете бичи объедки

жрут. И опять мне повезло. Вышел на перрон – стоит фирменный поезд «Горький – Москва».

Проводники не берут, бригадир поезда не берёт. Вдруг слышу разговор

- А вам что, билет нужен? Могу продать один...

- Да нет...

Кто-то говорит кому-то. Тут я, конечно, подскакиваю, купил, сел, поехал.

В Москве купил блок болгарских сигарет «Стюардесса» и дымил конкретно, с

наслаждением, правда, отстояв предварительно в большой очереди на Петровке, в центре. В

Москве я был до ноября. Доделал дом, ездил в Питер, хотел гитару купить. Ну, Москва!

Ездил по объявлениям насчёт гитары, город же громадный, времени на проезд уходит

много, а приезжаю – обычная гитара, а по телефону мне говорили, что гитара концертная.

Правда, это женщины были, по которым было видно, что они никакого отношения ни к

каким гитарам не имеют. К одной приехал – двенадцати-струнная. Гитара, конечно. Мою

гитару сосед сломал, взял пьяный поиграть и сломал. В Питере я попал на могилу Виктора

Цоя. Это произошло очень странно. У меня была привычка - в Москве я садился на метро, выходил на какой-нибудь станции, садился на какой-нибудь автобус или троллейбус, или

трамвай, ехал, где-нибудь выходил и прогуливался. Так я делал и в других городах. Так я

делал и в Питере. Вышел я из трамвая и пошёл и вышел к Богословскому кладбищу, шёл, шёл и вышел к могиле Виктора. Это было четвёртое сентября. Страшно стало, плакал, хотя

до этого я неплачущий был. Ну куда это – двадцать восемь лет, в зените славы и осталась

одна дощечка « Цой Виктор Робертович 1962 – 1990». Красивых смертей не бывает.

На ленинградский рок-клуб я набрёл также случайно. Шёл по Невскому и увидел

улицу Рубинштейна, зашёл в клуб, купил газету «Иванов», такая неплохая рок-газета была, а после зашёл в подвал к председателю Михайлову (надо сказать клуб сам был немногим

лучше сарая, он напоминал какой-то колхозный клуб):

-Здесь где-нибудь записаться можно?

-Нет. Только во Дворце молодёжи, но...

(Для понимания: я был обуреваем мыслью записать свои

песни в студии.) Я понял и пошёл. Фотография мне понравилась наверху, коллаж такой: стоит Ленин

с соло гитарой. Гитар и в Питере не было. Такая страна была – в магазинах не было гитар

(первую свою нормальную гитару я купил в Питере, там была фабрика по производству

гитар). Я веду речь об акустической обыкновенной шести-струнной гитаре.

Собственно говоря, я не знал, как делать рок-музыку, с чего начать? (песни свои я

ценил не очень высоко). Летом я ходил к Замараеву Игорю в московский Дворец

молодёжи, метро Фрунзенская. Дело в том, что в той стране проблема была записаться – в

огромной стране не было студий звукозаписи. Во Дворце молодёжи была студия, которой

заведовал Замараев, звукорежиссёр. Я объясняю: практически всё зависит от того, как

запишет свои вещи музыкант. Я уверен – если бы не Джордж Мартин, гениальный

звукорежиссёр, ансамбля «Битлз» не было бы. Он услышал битлов, понял, и записывал все

их альбомы. Замараев мне говорит: «ты дему сделай, просто под гитару запиши свои песни, я послушаю» (правильно «демо» - демонстрационный). Гут. Договариваюсь с Андроником, соседом по подъезду, беру у одного парня микрофон

и записываю на кассету свои песни, пока Андроник был на работе (свою аппаратуру я уже отвёз домой). У нас в подъезде

большинство были азербайджанцы, потому что мужем комендантши, которая была

русской, был азербайджанец. И один армянин был – Андроник. Отвёз кассету Замараеву, оставил её у него. Надо сказать, что вкладыш кассеты был с моими надписями. Я сам утомляюсь все заморочки объяснять, но надо, иначе будет непонятно. Был на кассете

14

альбом группы «Блэк саббат», группа мне не понравилась, тяжёлый мрачный рок. А я

тогда пытался начать учить английский язык и перевёл на русский названия некоторых

песен и на вкладыше написал названия этих песен. Замараев куда-то уезжал, долго его не

было и уже в сентябре я захожу к нему. Смотрю, моя кассета лежит на том же самом

месте. Я беру кассету, а он садится и продолжает разговор со знакомым. Я стою как дурак.

Он мне:

-Ну что ты стоишь?

Я запнулся, потом выдавил из себя:

-Ты должен был сказать, будешь писать или нет.

-Я же сказал нет. Фольклор, пожалуйста.

Вышел я от него в бешенстве. Почему? Потому что он моих песен не слушал и ответил мне грубо, по-хамски – фольклор я ему не обещал конкретно, а вот он обещал мои песни выслушать и высказать своё мнение. Я сильно подозреваю, что он посмотрел на вкладыш и ничего слушать не стал, прочитав мрачные названия песен американской группы. Но польза от этого посещения всё-таки была – я узнал, что час работы в студии стоит 100-150 рублей (огромные деньги в 1990 г.), запись одного альбома занимает 10-15 дней и много ещё чего узнал. Но всё-таки удар был чувствительный, ведь первые шаги в этом деле самые главные. Многие москвичи отличались отвратительной спесью – такая смесь барства и рабства. Опять поясню: в тот раз я приехал в Москву с целью поступить в московский университет, а до этого я был в Западной Сибири, был полон впечатлений и всем рассказывал про Сибирь. И эти люди приняли меня за сибиряка и всё время меня спрашивали: «Ты якут?». Кто ещё не понял – я казах. А Замаараев тоже ездил куда-то в Сибирь (валютный край!) и говорил про фольклор – рок

он вообще не воспринимал, хотя

записывал первый альбом группы «Любэ». Хороший звукорежиссёр, надо сказать.

Потом меня почему-то дёрнуло позвонить Алексею Рыбникову. Ходил я по центру

Москвы и зашёл в какую-то организацию Союза композиторов. Там на столике лежал

телефонный справочник, где и был номер композитора. Дело в том, что в юности розовой я

очень любил и уважал музыку этого композитора, ученика Арама Хачатуряна. Я, можно

сказать, воспитывался на его музыке. Вышел на улицу, съел мороженое

«Пингвин» (абсолютно бесвкусное, хотя и красивое), зашёл в телефон-автомат и позвонил.

Ответил автоответчик и я ему наговорил то, что хотел сказать. Позвонил через день, трубку поднял сам Рыбников. Я ему говорю, так и так, я начинающий рок-музыкант, хотел бы узнать ваше мнение о своих песнях. Ответил он мне грубо и как-то по-дурацки, типа:

-Мне чихать на ваши песни, я записываю свои песни.

-Значит, вы ничем не можете помочь?

-Нет!

Мне такое обращение, конечно, не понравилось. Можно подумать, его прямо утомили

своими просьбами начинающие рок-музыканты. Отказ

надо давать вежливо, потому что
любой отказ человеку неприятен.

Вывод

Москвичи – удивительно бескультурные люди. Это вердикт. Отныне и

присно, и во веки веков.

После всех этих неприятностей у меня дурная мысль появилась. Я решил сходить

на фирму «Мелодия». Но это, конечно, была очень хорошая мысль. Потому что ни одному

начинающему рок-музыканту такое в голову не приходило. А мне пришло. Главное, помню, что я где-то видел вывеску фирмы, а где точно – не помню. Пришлось обращаться в

справочное бюро. Ба! Оказывается фирма находится на Тверском бульваре, возле МХАТ.

Пошёл туда, подхожу – вывески нет. Значит, вывеску сняли, поэтому я и забыл

месторасположение (я часто в том районе отдыхал: сидел, ходил, читал газеты, ел эскимо).

Захожу в здание, спрашиваю:

15

-Это фирма «Мелодия»?

-Да

-У меня есть свои песни, кому их можно показать?

-А, это вам на улицу Грановского надо.

-Далеко?

-Нет, тут дворами можно пройти.

Действительно, прошёл немного и вышел на улицу Грановского. Смотрю – дом и на нём

вывеска «Мелодия». Захожу, поднимаюсь на третий этаж, заглядываю:

-У меня есть свои песни, кому их можно показать?

-А это вам не сюда, вам надо на улицу Грановского 4.

-?

-Да-да, там дальше увидите здание в виде замка. К редактору вам надо.

Действительно, прошёл немного и вижу здание в виде замка. Зашёл, заглядываю в

кабинет (обычная, кстати, контора, ну прямо как в каком-нибудь заводоуправлении какого-нибудь маленького завода):

-Извините, у меня есть свои песни, кому их можно показать?

-Подождите минутку.

Прождал час, злость меня взяла, опять заглядываю (главный редактор сидел с

девушками, играл в компьютер):

-У меня есть свои песни, кому их можно показать?

-А это вам в дверь напротив.

Заглядываю в дверь напротив, спрашиваю:

-У меня есть свои песни, кому их можно показать?

-А это вам надо Юрия Анатольевича. Юрий Анатольевич Потеенко – редактор отдела эстрады. Он скоро подойдёт.

Действительно, скоро подходит Юрий Анатольевич Потеенко, редактор отдела эстрады.

В очках такой человек средних лет. Вот говорю, так и так. Он говорит:

-Ну, хорошо, оставьте мне кассету, я послушаю и скажу своё мнение. Завтра позвоните около одиннадцати.

И даёт мне свой номер телефона. На следующий день звоню– Юрий Анатольевич скоро подойдёт. Подъехал я, сижу в коридоре, и минут через десять подходит Потеенко. Подсел, говорит:

-Ну что ж, послушал я ваши песни ... Одни песни понравились, другие не понравились (он посмотрел на меня выразительно, но не поморщился), но есть смысл вам заниматься

этим (музыкой) профессионально. Запишите их как положено (песни), и тогда подходите, поговорим уже серьёзно. А так... это же самодеятельность.

-Можно записаться в любой студии?

-Да, их сейчас много.

-А если я хочу один записаться?

-Ну, тогда вам нужен синтезатор «Корг М 1».

-И больше ничего не нужно?

-И больше ничего!

И Потеенко тут аж головой замотал, до того, видимо, мощный синтезатор. Я говорю:

-Хорошо, спасибо!

И с глубокомысленным видом записываю в блокнот название синтезатора, будто для

меня заказать «Корг» - это пара пустяков. Потеенко был мною удивлён. Удивил его тот факт, что я сварщик.

Вот так мне открыли зелёный свет в рок-музыку. Сейчас сижу и, собственно, не

знаю, какова будет моя судьба творческая. Я в Актюбинске сижу и «Корг М 1» ждёт меня.

Буквально на днях я приступаю к непосредственной подготовке альбомов. Тут необходимо

объясниться. Я сам создавал свои стихи и песни, были у меня вещи и на стихи других

поэтов. Вообще я был поэтом и философом. Свои песни я пел под гитару. Я знал, что

ансамбль мне подобрать не удастся. Я долго учился создавать песни, я три года учился

играть на гитаре, большинство же моих вещей к тому времени были не рок-вещами, а рок

пением стихов – пением стихов это было (не люблю я эту форму: куплет-припев, куплет-16

припев, я вообще не люблю повторений). Но и бардом я не был, я был именно

начинающим рок-музыкантом — главные мои рок-вещи были впереди. Я не мог исполнять

свои песни только под гитару — под мои песни и под мой голос нужна была оркестровка, аранжировка рок. Поскольку я не мог набрать ансамбль, то меня выручал синтезатор, на котором я один мог делать всю оркестровку — барабаны, бас, рояль и любые инструменты, звуки. И свои песни я хотел записывать сам, то есть я видел себя студийным работником, звукорежиссёром. Я чувствовал, что звукорежиссура — это моё дело, моя дорога.

Синтезаторщик и звукорежиссёр — вот чему я хотел научиться и чему я всё время учился.

Фирма «Мелодия была государственной фирмой-монополистом — тогда, в том

государстве всё было государственным, а рок был под запретом. Только в конце 80-х годов

всё стали разрешать: и рок, и каратэ, и свободную экономическую деятельность (прим. 2023

г.)

А тогда я уехал из Москвы, завершив все свои дела. Я уже знал, что Советского

Союза не будет и будет страшно. Но на меня смотрели тупыми глазами и ничего не

понимали. Пусто я прожил эти два года, пусто. Ничего не сделал, ничего не добился ... В

аэропорту Домодедово подошёл ко мне казах, поговорили

с ним. Москвич казах. «У меня

всё хорошо, только жена еврейка...». Несколько раз повторил. Я так и не понял, что это

значит «жена еврейка». Я ему говорю про Москву: поганый город. А он: нет, город хороший, я очень хорошо живу, только жена еврейка...

Осенью 1990 г. в магазинах Москвы всё стало пропадать, дольше всего

продержалось сливочное масло, потом пропало и оно. Ввели визитные карточки и прочая

дребедень творилась. Одно время даже за хлебом были очереди (с нового года на всё

отпускали цены). Как-то раз захожу в магазин – ничего нет, только картофель в бумажных

пакетах. Да и картофель подозрительный: чёрный, в затвердевшей земле чёрной, старый. Я

ещё постоял, раздумывая – брать, не брать? Ну, дома ничего нет, ладно, думаю, возьму.

Жарю этот картофель – что-то не то. Ем, что-то не то, а что не то – не пойму, какой-то

привкус металлический. Не доел я его, оставил. Ночью, во сне щитовидка заиграла, засвербила, я даже проснулся на минуту (помню, часы посмотрел – половина третьего). И

потом целый день горло саднило, будто туда соли насыпали, и тошнило меня. Если

«заиграла» щитовидная железа, то, значит, организм по-

лучил опасную дозу радиации.

Картофель наверняка был чернобыльский, из зоны чернобыльской катастрофы – такой

чернозём, который был на картофеле, есть только на Украине. Так я получил дозу

радиации, тогда я понял, что я её получил. У меня мелькнула мысль: да, но ничего, я

молодой, здоровый, организм справится, выгонит эту беду, я проконтролирую. Но тогда

особого и серьёзного значения я этому случаю не придал – мысли мелькнули и всё. Вот так

начался рок.

17

«Мой город на белом холме»

Когда-то был белый холм, сейчас там базар. Вот тут и началась моя эпопея. 14

ноября я ехал с актюбинского аэропорта в такси, и чёткое ощущение было – я приехал в

могилу ложиться. Предчувствие меня не обмануло - только в могилу я не лёг, отказался.

«Актюбинск, Актюбинск, мой город на белом холме»- это строчки из гимна города. Когда-то

композитором Малого театра в Москве был Мунтаниол, уроженец Актюбинска, Актобе – он

и сочинил гимн, у меня даже эта пластинка была. «Корг» я нашёл сразу в Доме культуры

металлургов, но это был маленький старый «Корг». К тому же всей аппаратурой в Доме владел пожилой татарин со складской психологией, с психологией собаки на сене: и сам не пользуюсь, и другим не дам. Он был ещё и после инфаркта. Есть какая-то связь между натурой человека, его психологией и болезнями. К примеру, моим соседом в Москве был чуваш, чрезвычайно скупой и, можно сказать, жадный. Был он язвенник. Насчёт денег он прямо умирал. Большинство деревенских именно такие крестьяне – деньги любят больше жизни. И зачем им деньги? А вообще парень он неплохой был.

Заканчивался 90 год, надвигалось повышение цен и, под занавес, я успел приобрести усилитель «Электроника» маленький, и колонки С-90 «Радиотехника» большие.

600 рублей. Соответственно я сел на нули и устроился рботать в строительный кооператив

«Авангард». Тогда была волна кооперативного движения. В Москве всегда были хорошие вещи в магазинах, а раз зашёл в универмаг и прямо ужаснулся, увидев куртки

кооперативного производства. Я так понял: в кооперативное движение ломанулись

нахрапистые любители больших денег, которые сами никогда ничего не производили и не собирались ничего производить (большинство, во всяком случае). Просто они начали грабить государственное имущество при поддержке государства, поскольку государство и поддерживало кооперативное движение! Такая забавная ситуация получилась. «Авангард» был один из немногих производственных кооперативов, но уже волна спадала и мода пошла на малые предприятия. В своё время «Авангард» гремел, там очень хорошо зарабатывали, но всё хорошее в этой стране проходит быстро. В январе читаю интервью - открывается телеагентство, аппаратура «Джи-Ви-Си», японская значит. Иду в радиотелецентр, нахожу там создаваемое телеагентство. В помещениях ещё нет ничего, штат неполный, всего двенадцать человек. Директор – молодой человек Кунбаев, хилый, бровастый и уже безнадёжно испорченный властью (был он сыном партийного работника и бывшим комсомольским работником). Надо сказать, сколько я видел комсомольских работников, все они были исключительными болванами. Кунбаев не был исключением. Изложил я ему свою идею. Идея была простая и в то же

время сложная: создать

аудиовидеостудию, зарабатывать на записи магнитоальбомов, музыки, видеоклипов и

развиваться в творческом плане. Кунбаев сам загорелся, одобрил и согласился. Мы

договорились, что в штат он меня возьмёт, когда придёт аппаратура. Изначально в списке

аппаратуры была «Ямаха ДХ 7», тоже прекрасный синтезатор, но Кунбаев его вычеркнул

(как он собирался обходиться в телеагентстве без музыки, непонятно). Вообще деньги на

приобретение аппаратуры дал Актюбинский завод ферросплавов – свыше 400 000 тысяч

долларов. Загоревшись моей идеей, Кунбаев поехал к директору завода Новикову и

синтезатор, теперь уже не «Ямаху», а «Корг», заказали добавочно.

Кунбаев предоставил мне помещение, и я стал готовить его. Нашёл двух плотников

и втроём мы сделали перегородку с окошком – по договору. Потом Кунбаев решил с

18

помощью этих же плотников сделать другую перегородку в павильоне и запоролся.

Плотники аванс взяли, а работу не сделали – я в этом не участвовал. Я же, в свою очередь, тоже запоролся – хотел ку-

пить войлок для звукоизоляции студии, деньги перечислили, но

сам войлок я увидеть не смог. Я не видел то, что я покупаю (такая организация -

«Актюбглавснаб»). В результате деньги были уплачены большие, а войлок получил я

маленький. Кунбаева это подрезало, к тому же обнаружилось, что я умнее и опытнее его.

Ещё до этого Кунбаев дал мне как бы задание ознакомиться с творческими коллективами

города на предмет сотрудничества в будущем. Такого идиотизма я не ожидал.

Интеллектуальный уровень всего города оказался ниже всякой критики (он, кстати, таким и

остался). Многие были элементарно тупыми и завистливыми, все почему-то принимали

меня за важное лицо, хотя я говорил, что я сам ещё не в штате. В чём заключалась

тупость? Я, примеру, не мог им втолковать, что такое создаваемое телевизионное агентство

– смотрят бараньими глазами и не понимают. Это называли РИКА-ТВ – рекламно-информационное коммерческое агентство, - название, кстати, утверждалось при мне. И, кстати, сама идея телеагентства принадлежала рабочему, специалисту по

телекоммуникациям. Я его видел всего раз, он был болен

раком желудка и вскоре умер.

Кунбаев любил слова «коммерческий», «бизнесмен», причём ничего он в бизнесе, то есть в

капитализме, не понимал. Аппаратура всё не приходила, в конце концов, мне это надоело

(не мог же я святым духом питаться, да и не хотел) и устроился временно работать на

фабрику первичной обработки шерсти, прессовщиком.

Июль! Наступил июль. Аппаратура

пришла в ноябре. Я так понял – японцы восемь месяцев крутили полученные деньги (у них

же быстрая экономика), а Кунбаев этого не понимал. Когда он начал возмущаться

задержкой, японцы пригласили его в Японию. Приехал он с Японии (тогда это

воспринималось многими так – человек на другой планете побывал!) и делится, так

сказать, впечатлениями. «Ну, как Япония?» - «О-о, в магазине сто сортов колбасы». Он не

знал, что почти вся эта колбаса сделана была из морепродуктов – по цвету, запаху, вкусу

это была натуральная колбаса.

9 мая был у меня один крайне неприятный эпизод. У двоюродной сестры было

новоселье. Выпил я немного и почувствовал, что алкоголь действует на меня как-то

странно. Выйдя от сестры, я пошёл к Дворцу спорта, праздник же. Перед Дворцом была публика, звучала музыка, я захотел потанцевать и упал. Никогда такого со мной было.

Наряду со всем этим рядом со мной происходила трагедия. У меня был сосед, Канат, он жил во втором подъезде (я в первом, обычная пятиэтажка-хрущёвка). Ровесник, я знал его с двенадцати лет, он учился на класс младше, так как пошёл в школу с восьми

лет. Такой неплохой парень, надо сказать, думающий. Близко мы в течение жизни не

общались, но вот так - товарищами были. Ещё в августе 1990 года его младший братишка

сказал мне, что Канат болен, что он парализован или что-то в этом роде. Но я ничего не

понял, да и сам Жанболат толком не знал, что это за болезнь (я медициной никогда не

занимался, не любил я её). Когда я приехал из Москвы в ноябре, я увидел Каната – он

споласкивал сапоги в луже, а Саня, общий приятель, его поддерживал. Канат, увидев меня, громко засмеялся:

-Ха-ха-ха! Муравьи-великаны! Здорово!

И хохочет опять, сдержаться не может. Я удивился, думаю, может у него крыша

съехала? Смех нормальный, но не к месту, конечно. А на счёт муравьёв я сразу понял – это

он детство вспомнил. Я в детстве во дворе заводилой был, игры всякие придумывал, лазил

езде и очень много читал. И одно время я пацанов рассказами развлекал. Придумаю

какой-нибудь фантастический, приключенческий рассказ и вечером рассказываю. Помню, слушали все со страшным интересом. То я рассказывал о битве между таблетками-лекарствами и глистами-микробами. Ну, будто это в животе происходит на микроуровне и

целые армии там войну ведут. Какие-то рейтары, помню, там были (рейтары – это лёгкая

кавалерия). А один рассказ был о том, как одного мальчика занесло смерчем в кратер

потухшего вулкана, и там оказались огромные муравьи ростом чуть меньше мальчика. Ну, там красные муравьи были друзья, а чёрные враги (или наоборот, это неважно) и, конечно, была борьба, приключения и прочее. И другие рассказы были – как мальчиков в эпоху

динозавров занесло и что там с ними происходило. Один мальчик там, помню, на

19

птицеящере летал. От этого рассказа все в ужас пришли, ужасно страшно я рассказывал.

Вот Канат это и вспомнил. Потом я его ещё встречал, он всё смеялся. Где-то в апреле 1991-го стал я с ним часто встречаться – сидим у подъезда на лавочке, разговоры

разговариваем. Так мы с ним общались прямо по-дружески до июля-месяца. От него самого я всё и узнал. Как оказалось, осенью Канат перенёс операцию на мозге, черепно-мозговую.

А всё начиналось так.

Летом 1990 года он стал чувствовать себя не так. Пока гадал, пока ходили по

врачебным инстанциям, его ударил паралич – всю левую половину тела парализовало. Пока

обследовали, пока делали снимок, его парализовало полностью. В областной больнице

оперировать его отказались – поздно. Канат был уже без сознания, когда его повезли в

Москву. «Я помню, в купе меня занесли и всё, я отключился. И до этого всё как в тумане

было. Очнулся через неделю после операции – лежу в палате, ничего не пойму». Режим ему

определили на два года – ничего нельзя. В Москве, в госпитале им. Бурденко, сказали, что у

него киста. Я, когда узнал, что у него, как-то успокоился. Я ничего не знал, но знал, что

киста – это безопасно, её вырезал, да и всё. Потихоньку можно выздороветь. И, глядя на

Каната, я успокаивался – он явно шёл на поправку. Все мозговые реакции

восстанавливались, он уже не чудил, как-то всё более ста-

новился нормальным. А вообще-то

он тяжёлый был, высохший, бледный до белизны. О многом мы с ним говорили ... Мне

хотелось поддержать его, помочь удержаться ему и это обернулось для меня бедой. Канат

в юности хотел сильным стать, здоровым, потому он и спортсменом стал. С детства он

здоровьем не отличался. Но тяжёлый он был, очень тяжёлый – раз он пошёл с нами в

магазин и обратно еле пришёл, сил ему едва хватило (много позже я узнал, что Канат

упал с турника и сильно ударился головой – с этого у него всё и началось).

Я был твёрдо уверен, что он выздоровеет. И вот где-то в июле я с ним сидел и меня

поразил его взгляд – страшный взгляд. Этот взгляд невозможно описать: мутный, мертвенный, ужасающий взгляд. В нём как бы сама смерть сидела. Он смотрел вдаль, я

сидел рядом. Это был взгляд человека, который умирал, который прощался с жизнью. О!

мне стало жутко:

- Канат, ты чего?

-А? Да ничего

Он с явным сожалением вышел из своего, созерцающего нечто, состояния. Канат

всё это время, как я потом это понял, искал зацепку в жиз-

ни, что-нибудь, за что он мог

уцепиться, ухватиться... И не находил. Он искал смысл в этой жизни, а смысла не было. Ну, что в этой жизни? Ничего, абсолютно ничего. Отвращение стойкое, палёное – вот что выражал его взгляд. И что необычно – у него было отвращение к холодной воде, на воду, текущую из колонки, он смотрел с отвращением. Он не мог пить холодную воду даже в

жару. Надо сказать, сидеть с ним мне было тяжело, мне передавалось его состояние, я

заражался его смертным состоянием. Вот в этот раз мы сидели с Канатом последний раз.

Потом, где-то в августе я встретил его во дворе поздно вечером:

-Куан!

-А, Канат, привет, как дела?

-Да ничего

Родители перевезли его к себе в другой район, и я его больше не видел никогда. Я, откровенно говоря, после описанного случая инстинктивно, бессознательно боялся встречи

с ним. Узкоглазый, косолапый, глазки блестят; когда смеётся, постанывает, белый, голос

своеобразного тембра. Всё это время в нём было что-то детское, шальное и беспомощное.

Страшил меня не он, страшило меня то, что в нём сидело,

было.

В июле приехал в отпуск одноклассник с женой и ребёнком, оба врачи, кстати. Мы

решили отметить приезд и десятилетие окончания школы. Мы – это одноклассники, друзья, несколько человек. Собрались и поехали на дачу. У нас такая традиция была со школы –

отдыхать на даче. Попили пива, пошли на речку. Купались, потом ныряли с рук. Двое стоят, сцепив руки, а третий с рук ныряет. Я сорвался и ударился головой о песчаное дно – там

было мелко. Удар был страшный, но я вылез из воды, улыбаясь. На борьбе мы постоянно

качали шею, это, видимо, меня и спасло. На грядке с помидорами я поскользнулся и упал.

Часа два я лежал, болела голова. Голова болеть перестала, а вот шея побаливала после

20

этого постоянно (она и сейчас побаливает). Я и тогда, и сейчас сильно подозреваю, что

один из одноклассников (не друг) помог мне упасть, выражение лица у него такое было. Что-то почувствовал и другой одноклассник – как раз таки друг. Но, как говорится, подозрение

к делу не пришьёшь (был он, кстати, сотрудником внутренних органов, хотя закончил

филологический факультет).

В конце июля я устроился на работу на Актюбинский завод

ферросплавов, учеником плавильщика, во второй плавильный цех. Вот так —

зарекался не работать вообще и устроился в самое пекло, в самый ад.

Проработал я там пять месяцев, вплоть до нового года и об этой работе надо рассказать отдельно.

Чёрная металлургия

АЗФ выплавляет феррохром. Актюбинская руда, добываемая под городом Хромтау, это недалеко от Актобе, одна из самых богатых в мире. Вот я удивлялся: хромовая руда сама чёрная, а металл получается белый, блестящий. Хэви метал — тяжёлый металл.

Действительно тяжёлый, тяжелее железа.

Я уже работал на АЗФ в 1985 году, начинал там электро-сварщиком, мы

занимались ремонтом печей и прочего. Почему меня понесло на завод, да ещё и

плавильщиком? Причина, я думаю, простая, прозаическая и не вполне обыкновенная. Дело

в том, что до Москвы я работал на Севере, в Западной Сибири, помощником бурильщика в геофизической экспедиции (это там была нефть Совет-

ского Союза и сейчас там нефть

России). Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ. И я там замёрз, потому что я мёрз каждую ночь всю зиму. Мёрз я не на работе, а дома, в балке (печка-буржуйка была, стены не были нормально заделаны и дрова быстро выгорали). Промерзал

прямо до костей в самом буквальном смысле этих слов. И вот после той зимы стал я зим

и холодов бояться. Организм человека обладает памятью, все клетки помнят то состояние, скажем, необычно тяжёлое, которое с ними было (это, по-моему, и называется синдром). И

никак я не мог отогреться, лета в Москве толком не было. А мне прямо жары хотелось, думаю, прожариться бы до костей, солидно так, высококачественно. Вот поэтому я и пошёл

на завод. Да и не хотел я заканчивать свою трудовую деятельность сварщиком. Сварщик –

хорошая, очень хорошая профессия, но, всё равно, это было не то, не совсем по мне. А вот рабочий-металлург – да, это то самое.

Хотя металл и белый (феррохром), но металлургия чёрная. Название это точное –

чёрная металлургия. Надо заметить, что и электросварка является металлургией, только

микро – микрометаллургией. Вот так.

Ну, прожарился я конкретно, прямо стабильно. Лицо всё время обгорелое, как бок у цыплёнка- табака. И прогрелся солидно. Определили меня в четвёртую бригаду, на 22-ю печь. Бригадиром был Мухан, молодой казах родом из Кзыл-Ординской области.

Узкоглазый, усатый, горячий, самолюбивый. По работе он соображал, только всё время у него аварии случались. Вообще аварии были прерогативой 21-й и 22-й печей. Казахи на заводе были необычные, какие-то разные: одни были похожи на индусов, другие на таджиков, третьи – на китайцев. Вообще народ необычный был, необыкновенный. Хотя в то же время обычный.

На печи, надо сказать, несколько должностей: шихтовщик (дозировщик); пультовщик; горновой; старший горновой; плавильщик; старший плавильщик - он же бригадир. Этажа четыре. С верхнего этажа подаётся шихта на дозировку. Шихта – это известь. На дозировке, на третьем этаже стоят бункеры, из которых руда и известь подаются в подвесные тележки, которые ходят по кругу – автоматически загружаются и разгружаются. Из тележки шихта (в общем, говорили шихта) подаётся непосредственно в

печь. Второй этаж – отметка 4,5, это собственно печь, где пульт, где работают плавильщики, подают шихту в печь, регулируют плавку, выпускают металл и шлак. Самый низ – отметка

0, горн, здесь работают горновые. К печке подходят рельсы, на этих рельсах стоит тележка

с тремя казанами. Тележка движется с помощью электролебёдки – в казаны-ковши

сливается металл и шлак, - отдельно. Это два процесса – выпуск металла и выпуск шлака.

Казан с металлом мостовой кран с помощью траверсы поднимает и разливает металл по

изложницам-поддонам. Металл после остужается и отправляется в холодный пролёт. Шлак

же сливается в шлаковоз – громадные ковши, которые установлены на железнодорожной

платформе и вывозится тепловозом на шлакоотвал. Короче говоря, работы не то что много, а навалом.

Начинал я на дозировке (эта работа считалась лёгкой, на дозировке даже

девушки работали). Физически она не тяжелая, но морочная. Если всё идёт, то хорошо, а

если что-то забивается или ломается, то хана – белый свет не мил. К тому же автоматика

довольно сложная и первое время я прямо путался. Потом научился, стало легче. Я

заваливал две печки и ещё помогал на горне и на печке. Шум страшный и вибрация от

вибраторов гибельная, ну и дышать, конечно, нечем – без респиратора невозможно. И, разумеется, там очень жарко.

Большую часть времени я проработал на горне и на печи. Я стал плавильщиком, но старшим плавильщиком стать не успел, о чём до сих пор жалею. Когда я в первый раз

одел спецодежду, то я сразу всё понял. Валенки, шерстяные штаны и куртка - суконка, войлочная шляпа. Валенки быстро износились, и я взял сапоги, а в шляпе так и работал, хотя все носили каски (на моей голове каска плохо держалась). Крановщицы меня так и

называли – шляпа. Если смотреть сверху, она выделялась на горне. Основные инструменты

на горне – лопата, лом, кувалда и ими всю смену, все восемь часов орудуешь (хотя бывали

и передышки – технологические). Жара самая мыслимая – 60 по Цельсию. Не по Цельсию –

ещё больше. Весело, в общем. Я, во всяком случае, не скучал. Месяца за два я освоился и

уже работал в полный рост. За три месяца работы мне дали четвёртый разряд (положено

за шесть месяцев) и к лету хотели ставить бригадиром на подмену (узнал я об этом позже, когда уже не работал). По

мне была работа, отвечаю. Нравилась мне эта работа. И зарабатывал я много, все удивлялись. Один раз в расчётном отделе меня даже обманули –

Милитина Петровна там сидела, крыса конторская, вот она всё время старалась заработок

у меня срезать. Один раз я её поймал – 212 рублей она из моей зарплаты неправильно

высчитала. Самое меньшее я получил 700, самое большее 1826 рублей. В конце 1991г. это

были большие деньги – в среднем в то время получали 500-600, самое большее 800-900

рублей. Платили хорошо, продуктами подогревали, вещи для заводчан были неплохие –

дефицит тогда ещё не был изжит. Сапоги немецкие, правда, мне не достались. Раз сахар

дали, по мешку на брата, я его, мешок, привёз домой на санках. С сахаром тогда перебои

были, и я как раз мечтал о мешке сахара (сахара хватило на семь месяцев). Мечтал я

также о сауне при раздевалке и сауну сделали. Платили хорошо, а иначе невозможно, труд

тяжёлый был. Я устроился на завод в тяжёлый период – шёл развал. Основная масса

плавильщиков, старые испытанные кадры, уволились после повышения цен, так как

зарплату не повысили сразу. После этого стали платить и

зарплату повышали

предварительно, до очередного повышения цен.

Вообще, надо сказать, смерть за мной охотилась постоянно, всю жизнь. У неё, видимо, какой-то свой профессиональный интерес был меня грохнуть, убить, завалить, прикончить. Но ей никак не удавалось дело своё чёрное сделать, я всегда как-то на долях

секунды, на секундах, на мельчайших телодвижениях выворачивался, избегал гибели.

Случаев было много – в армии, на Севере, в других местах. В армии меня раз мёртвым

посчитали, умершим. Дело было так. Стоял я в наряде на КПП, самый дрянной пост, надо

заметить! Стоишь, как истукан, на воротах, почти каждому офицеру честь отдаёшь, калитку

открываешь и закрываешь - штаб дивизии через дорогу, офицеров много (мы были

мотострелковый полк). Машин тоже много – ворота открываешь и закрываешь. Под новый

год, главное. Это у меня беда – все беды случаются или под новый год, или на день

рождения. Прямо закон. Сменили нас, сходили мы на ужин, сели в ленинской комнате

встречать новый год. Мы скидывались деньгами на праздничный стол, офицерские жёны

приготовили домашнюю еду, стол был богатый (наступление нового года отмечали только в

СССР, а мы были за границей). Чувствую себя плохо, аппетита нет, есть не могу. Немного

чего-то съел, попил какао и лёг спать. Утром пошёл в санчасть, посмотрели меня, сказали, в госпиталь надо ехать, рентгеновский снимок лёгких делать. На следующий день поехал.

Нас ехало четверо в машине, один из отдельного батальона связи, нашего призыва –

менингит у него был. Он и сидел такой хмурый, тяжёлый. Двое других были из пехоты (это

по погонам определяется, пехота носила красные погоны). Приехали в Кишкун - Халаш, в

госпиталь, и мне сразу сделали снимок – острое двустороннее воспаление лёгких. А парень

с менингитом через два дня умер. А меня положили в госпиталь и стали накачивать

пенициллином. За десять дней – шестьдесят уколов! И ещё таблетки. Под конец этого

лечения, где-то через неделю, меня начало лихорадить – не могу! Подошёл к старшему

лейтенанту, заведующему отделением, говорю:

-Товарищ старший лейтенант, нельзя ли уколы отменить, хотя бы на время, я уже не могу!

Ответил он мне резко:

-Товарищ солдат, вам назначено лечение, вот и принимайте его! А не хотите, я вас хоть завтра в часть отправлю!

И ничего не в ответ не скажешь – армия. Ну, я тогда дурачок был, не понимал

какое это тяжёлое и опасное заболевание, хотя в 16 лет у меня уже была пневмония.

Острая пневмония может перейти в крупозное воспаление лёгких, а это почти верная

смерть, очень быстро человек умирает. В госпитале я познакомился с Сериком, он был с

нашего полка, артиллерийский дивизион. Он был водителем «на целине» в Казахстане, в

Уральской области (военных направляли на уборку урожая – это называлось «на целину»).

Там он возле костра заснул, у него загорелась ватная телогрейка, вата тлела и у Серика

обгорела грудь, он получил тепловое поражение лёгких. В госпитале он лежал долго, был

старожилом, но хотел хоть немного послужить и домой уйти из части, был он моего

призыва, алмаатинский парень. Выписался он из госпиталя на несколько дней раньше меня.

Лежу я в госпитале, скучаю, развлекались только разговорами. Как-то выхожу на

улицу, сигарету стрельнуть, смотрю – Елкеев стоит, в больничном халате, механик-водитель

326 танка нашей роты. Я удивился, тем не менее, говорю «здорово!». А он смотрит на меня

пристально, странно и потусторонними глазами (вообще был он парень странноватый). Я

улыбаюсь и говорю «ты чего?» А он:

-А ты разве не умер?

Я говорю:

-Нет. А с чего это я должен был умереть?

-Ну, у тебя же менингит был?

-Нет, воспаление лёгких.

-А-а...

-А у тебя что?

-Аппендицит

Ну, я его не понял и не придавал значения этому разговору. Через несколько дней

меня выписали, и я поехал в полк. Приезжаю, захожу в расположение роты, улыбаюсь, кричу:

-Здорово!

Все на меня смотрят дикими глазами и что-то бормочут. Какое-то не смущение, а чёт

знает что. Я не понял. Из роты осталось двенадцать человек, остальные были на учениях, весь полк был на учениях, остался только караул. Все, главное, глаза прячут и меня, в общем-то, избегают. Три дня так продолжалось, потом та-

тарин, Ильхам, всё мне разъяснил.

По виду он был татарин, первый год мы звали его Игорь, на самом деле он был метис –

мать украинка, отец татарин. Был он с Макеевки, Донбасс, тоже механик-водитель, мы

дружили. Короче, говорит, мы все думали, что ты умер, и тебя уже похоронили, тебя из

госпиталя домой отправили в цинковом гробу, все тут переживали глухо, как это обычно

бывает. Вот, мол, какой парень был, три месяца до демобы осталось, а сколько мы ему на

мозги давили и т.п. И, главное, всё это абсолютно серьёзно. После госпиталя нельзя в

наряд ставить 21 день, но я вошёл в службу сразу – и в караул ходил, и дневальным был.

23

Потом полк приехал, началась беготня, работа, суета и прочее. Тоже были смешные

моменты - стою «на тумбочке» (дневальный стоит у тумбочки, но говорили «на тумбочке»).

Ребята пробегают мимо меня, по привычке здороваются, потом останавливаются, оборачиваются и смотрят на меня дикими глазами. Потом бегут дальше. Это были

последние для нас учения. Серика я видел несколько раз, он тоже стоял в наряде, как раз

на центральном КПП. Потом как-то вижу – несут новое

ХБ (ХБ – это хлопчатобумажное, зимой мы носили ПШ – полушерстяное), гимнастёрку и галифе, и белые полукеды. Потом как-то вижу – выносят деревянный ящик и грузят в машину. В машину садится прапорщик и

машина уезжает. Потом узнаю, что в артдивизионе один казах умер, но его мало кто знал, поэтому всё было тихо. Выяснил, и оказалось, что умер Серик. Вечером лёг, утром не смог

встать. Потащили его в санчасть, по дороге он скончался. Крупозное воспаление лёгких. Они

четверо суток простояли на КПП без смены, вот это, видимо, сыграло роковую роль.

Погода сырая была, дожди да туманы. Послужил. (Врачи предлагали Серику оставаться в

госпитале и уйти на демобу с госпиталя). У нас в группе говорили больше демоба , чем

дембель, что означало демобилизацию, хотя на самом деле это было увольнение в запас.

Почему же меня мёртвым посчитали? А дело в том, что перепутали – умер парень с

менингитом, тем более, что и он и я были с одного призыва и оба были с чёрными

погонами, и до полка весть дошла, что умер я от менингита. Из пехоты кто-то поехал

обратно в полк, а солдатский «телефон» обычно никогда не обманывает. А ведь живого

нельзя мёртвым считать, грех, вот все и обалдели, когда увидели меня живым. А я забыл тогда об этом случае и долго не вспоминал. Забавный случай.

Сейчас сижу, щупаю пломбу на зубе. Языком. Эту пломбу, металлическую, мне в госпитале поставили. Там зубной врач был, тоже офицер, так у него мания была – всем зубы вылечить. Или ему делать нечего было. Но всех прямо приказом заставлял пройти его кабинет. Пломбу он мне поставил хорошую, никогда она меня не беспокоила.

Да, безусловно, смерть надо мной витала и реяла постоянно. Как я на АЗФ не убился, не понятно. Один такой значительный случай был.

Дозировка. Стоят стойки, в которых закреплены электроды. Электроды огромные, графитовые, в диаметре сантиметров сорок, высота около трёх метров. Тельфер, другими словами, кран-балка. Я в очках, респираторе, шляпе. Три люка – в печь люки. Мне нужно заменить электрод в печи. Я опускаю трос, на конце которого крюк, в люк, цепляю электрод, вытаскиваю его и ставлю в свободную стойку. Новый электрод я уже освободил от крепления, он находился на противоположной стороне.

Электрод, красный до алого, я поставил, но он стал накреняться в мою сторону. Тут у меня происходит замыкание в мозгу, какое-то странное торможение. Мне нужно было электрод поднять и поставить его ровно, для чего мне нужно было нажать кнопку тельфера «вверх». Я же нажал «вниз».

Электрод накреняется ещё больше с явным намерением выскользнуть из стойки. А я опять нажимаю «вниз»! Крюк выскальзывает из кольца электрода и электрод спокойно, я бы даже сказал, величаво, падает передо мной. Раздаётся грохот, поднимается туча пыли.

Перед моим носом мелькает ещё что-то, опять раздаётся грохот и ничего не видно. Я стоял как вкопанный и смотрел на всё это как зачарованный. Минут через десять пыль улеглась и передо мной предстала картина полного разгрома. От падения старого электрода упал новый, он-то и мелькнул у меня перед носом. Всё это видел электрик, который стоял неподалёку. Подходит он ко мне, респиратор снимает, глаза у него ошалелые, лицо белое, губы трясутся:

-Ре-ребята, ну вы же будьте поосторожнее, так ведь и убиться можно!

А я улыбаюсь: «да ничего, это мелочи!». Этот электрик

потом в дневную бригаду

перешёл. Наверно подумал, «ну его к аллаху, с такими типами работать и такие сцены

наблюдать». Ещё два случая были, связанные с электричеством. Как-то сломалась тележка, и я вызвал дежурного электрика. Электрик возится, что-то делает (это другой электрик

был, казах), я рядом сижу. Потом он смотрит на меня и у него глаза на лоб лезут. Дело в

том, что я на его глазах прислонился спиной к металлическим прутам, которые проходили

над тележкой (я почувствовал, что-то не то и отлепился). Он смотрит и говорит:

-Ты так не прислоняйся больше, на этих прутах 380 (вольт) Как меня там, на месте не убило, непонятно. Ведь рубашка мокрая была от пота. Страх

24

пронзил меня уже позже, когда спускался вниз, аж колени подогнулись. А этот электрик

потом всё время смотрел на меня с выражением испуга и изумления. Потом он смотрел на

меня с суеверием. В другой раз вообще фантастика произошла.

Поменял я один электрод и думал, что нужно перепускать второй. Перепускать –

значит просто зацепить электрод и держать его на весу,

пока плавильщик выключит и

включит пневмодержатель. Опускаю трос в печь, он задевает края люка и искрит. Я думаю

про себя «чего он искрит?» и правой рукой (рука в рукавице была) отодвигаю трос. Я

боялся, что нити троса перегорят (а что меня может убить, не подумал). Опустил трос и

услышал крики «не надо! поднимай! не надо!». Поднял я трос, закрыл люк и спустился вниз.

Стоит начальник смены Сабит и бригадир Серик-моряк (он в это время был бригадиром на

печи, а моряк - это потому что на флоте служил). Глаза у них бешеные, от страха искры

мечут:

-Зачем ты трос опустил? Не надо было!

-Да вроде сказали же...

-За трос рукой не брался?

-Брался. Смотрю, искрит, я и отодвинул.

-Да ты что?! Мы же печь включили! Ничего себе!

Оказывается, они, как увидели, что трос опускается, обомлели – печь-то включена, а я

на печи стою! Серик бросился к центральному пульта печь выключать, забыв, что пульт

есть возле печки – он у этого пульта и стоял. Перепугались они не на шутку, а страшно, а я

ещё, оказывается, за трос взялся!

Ну, дело в чём? Печка – это земля. Очень просто тут: на печи напряжение

несколько киловольт. Как рукавицу не пробило, непонятно (рукавица была из натуральной кожи). Вообще я должен был, по всем законам, должен был, получить электроудар и упасть в печку. И от меня ничего не осталось бы – даже ботинок.

Ну, обломки слитков рядом падали, это уже мелочи (хотя сам слиток отнюдь не

мелочь, около 500 килограмм весит). Самая тяжёлая работа на горне заключалась в

подрыве металла. После того, как металл разлили по поддонам, его нужно подорвать, так

как слиток отчасти приваривается к поддону (сами поддоны графитовые). Поливаем водой

из шлангов слитки, потом подрываем – подсовываем ломы под слиток, приподнимаем

слиток и сдвигаем его на край. Это для того, чтобы кран мог его зацепить. Тяжко, потому

что от слитка веет жаром, он ещё красный и часто слиток оказывался приваренным

прочно. Вот с таким слитком и мучаешься, зубы сжимаешь, «приятные» слова говоришь.

Челюсти у меня укрепились значительно. Что там говорить, ломы гнулись.

Самая пикантная работа заключалась в разделке носка казана. Кран берёт казан с только выпущенным металлом и подносит его к поддону. Надо залезть на поддон и ломом разбить шлак, который застыл и не даёт металлу выливаться. Вот на этой процедуре я и обжаривался всесторонне и обстоятельно. В этой работе требовалось мастерство, ловкость и изрядная доля терпения – термо! Но я довольно быстро научился делать эту работу. Тяжело было устранять последствия аварии. Авария – это когда по тем или иным причинам проливался шлак или металл. После аварии оставались кучи шлака, которые надо было убирать (ферропыль – это и есть шлак). Авария – зрелище всегда немного фантастическое, особенно ночью. Лава, магма, искры, струи воды, пар, броски теней. Как я уже говорил, это зрелище чаще всего можно было наблюдать у 21-й и 22-й печей. Дней двенадцать я работал на 26-й печке, так там я отдыхал – никаких аварий, поломок, обломов, металл подрывается легко, везде чистенько. Облом – это когда электрод обламывается в печи. От обломка печь ревёт, как бешеная, гудит свирепо и качество

металла меняется. Обломок вытаскивали с помощью сачка, (металлического, разумеется).

Одно время это было сущим мучением – только поставишь электрод, а он сломался. А

работали мы на печи часто вдвоём, обычно втроём, изредка вчетвером.

Уставал я сильно, поэтому только работал и отдыхал от работы. Аппаратура в

телеагентство пришла в октябре, но меня это уже не занимало. Где-то в октябре был

субботник – после четвёртой смены, последней, мы бригадой пошли очищать крышу, свой

участок, от ферропыли. Быстро очистили и пошли пить водку на заводской стадион.

25

Посидели, выпили, поговорили. Домой я еле дошёл. Устал сильно. Несколько раз у меня

были необычные, жуткие головные боли – один раз я два часа пролежал в сауне, так

страшно схватила меня головная боль. В сауну зашёл и смотрел на меня Саня, знакомый, тоже плавильщик с другого цеха, он жил на соседней улице (который с Канатом стоял). Не

знаю, что он подумал. Все подумали, что я так парюсь жестоко. Я действительно любитель

парной, но тогда в парной я лежал не из-за хорошего пара.

Я, очевидно, истощался - к

ноябрю я уже чувствовал, что дохожу до предела. И тут меня направили учиться на курсы

стропальщиков. Я пришёл домой, лёг спать и спал сутки. Учились две недели, и я хорошо

отдохнул (учились на заводе до обеда) и работал дальше ровно и строго. Усталость и

сильнейшие головные боли... Я думал, что это от того, что режим работы непривычный (я не

любитель работать ночью), отсутствие свежего воздуха, иногда я работал без обеда. Я

работал. Я работал, в общем-то, спокойно и ровно вплоть до Нового года.

Осень 1991 года была тихой, ясной и спокойной. Я помню: сидим в автобусе на

одном сиденье с Валерой Потешкиным. Я смотрю в окно и вижу бабье лето, сухо всё, деревья молчат... Печаль.

29 декабря мы бригадой отмечали наступление нового года в Доме культуры

металлургов. Все пришли с жёнами, кое-кто с детьми. Захожу в зал, смотрю - стоит белая

девушка и вся в белом. Я подхожу, улыбаюсь и говорю:
-Что, Снегурочка, да?

Она улыбается, но тут подходит Саня Федотов и тоже улыбаясь, говорит:

-Да, Снегурочка, но Дед Мороз сегодня я!

Оказывается, это его жена была (Саня был плавильщиком и удивил меня тем, что

оказался родным братом моего одноклассника Сергея, который давно жил в Германии). Я

познакомился с Леной, она оказалась дочкой Михал Михалыча (Михаил Михайлович был

удивителен тем, что всю жизнь, двадцать пять лет, проработал на заводе плавильщиком).

Вечер прошёл хорошо, много пили, много танцевали, была лотерея, по которой я выиграл

пачку бритвенных лезвий. Лена удивила меня тем, что изумилась тому, что я плавильщик (я

был в костюме-тройке, при галстукe). Она всё не могла поверить, что я плавильщик – «вы, наверное, инженер». Я пошёл её провожать. Мороз, снег, прохожих нет. По дороге мы

баловались, я её валил в снег, обсыпал снегом. И потом я ей что-то сказал такое, не

помню что, от чего она вздрогнула – видимо, так резок был переход от кипящего веселья к

мраку. Я не помню, что я сказал, но кажется: «мне ведь скоро конец, мне недолго осталось».

Эти, или подобные этим, слова просто выпали из меня, я уронил их в снег. Но то, что я их

сказал, это точно.

Рак мозга

Тридцать первого декабря мы работали второй день днём, с утра. После работы я вышел, как обычно, на остановку и сел в автобус. Я сел на сиденье и, сидя, заснул. Очнулся я поздно, когда автобус уже проехал круг – свою остановку я проехал, но мог выйти на другой, которая тоже была близка к моему дому (автобус едет, делает круг и возвращается на соседнюю улицу). То, что я уснул, сильно меня удивило – ночью я выспался и спать, вообще-то, не хотел. Очнувшись, я некоторое время приходил в себя, состояние было смутное. Поняв, где я, я решил зайти к Гене-однокласснику, договориться насчёт встречи нового года. Зашёл к нему, он был дома, поговорил, вышел, сел в автобус. В автобусе один казах (знакомый, он на заводе работал), начал песни петь: Если б я был султан
Я б имел трёх жён
Когда он пропел «тёщи тоже три!» в салоне засмеялись. Я тоже улыбнулся, а этот казах смотрит на меня дикими глазами. А мне мрачно. Пришёл домой, переоделся в праздничное и хотел в гости пойти – куда-нибудь, к кому-нибудь и вдруг на меня такая тяжесть навалилась, что я даже из-за стола встать не смог.

Ни о каких гуляньях не могло

быть и речи. Думаю, прилягу - ка. Лёг, не раздеваясь, и уснул. Проснулся в половине

двенадцатого. Сел за стол в своей комнате, съел «праздничный» ужин, (попил чаю с

домашними пирожными) - так встретил новый, 1992 год. Что интересно: сижу, чай пью, кремлёвские куранты отбивают двадцать четыре и у меня в голове мысль проплывает:

«значит, буду жив». Я, что интересно, никакого внимания на эту мысль не обращаю –

проплыла она, да и всё. В половине первого лёг спать. Просыпаюсь около одиннадцати

утра, на работу проспал. Лежу, в потолок гляжу, и в голове у меня появляется и как бы

27

проплывает диагноз: «киста, рак мозга». И опять я спокойно реагирую на такие думки –

никак не волнуюсь. Встал, походил, состояние непонятное. Не пойму никак, что со мной.

Вроде всё нормально, ничего не болит, а что-то не так. Отчего это – не пойму. Сознание

занавешенное, всё видится как через призму, чёрную вуаль. Чувствую, что идут какие-то

процессы, а какие именно – не понимаю. Они во мне идут, эти процессы, но я как будто сам

по себе, а эти процессы сами по себе, я на них никак не

влияю, хотя они во мне самом
происходят.

К вечеру пришёл Гена, выпили с ним самогону из патоки
и я лёг спать. Проспал я

до вечера следующего дня (то есть сутки). Первого января
в поликлинику я не успел бы –

по причине праздничного дня она работала до обеда. Вто-
рого января я проснулся вечером.

Встаю – непонятно, непонятное состояние, но рак. То, что
это рак, я понял наяву ещё

первого. Походил по квартире – да, это рак, я болен. Та-
ким образом, я не выходил на

работу два дня. Ночь после суток сна я спал, как обычно,
нормально, как ни в чём не

бывало. Третье января было пятница и выходной у нашей
бригады. Я поехал в поликлинику, которую только-только
организовали на заводе – она стала заводской. На приём я
пошёл к

терапевту. Попал к Рахметовой, хороший врач, она сразу
почувствовала неладное (много

позже я из газеты узнал, что Рахметова одно время изуча-
ла онкологию). Посмотрела она

меня – всё нормально. А сама понимает, что это то нор-
мальное, которое является самым
страшным.

-Вы завтра анализы сдайте и в понедельник приходите с

результатами. По моей части

всё нормально у вас и если результаты анализов будут нормальными, то вам нужно к

невропатологу. А два дня придётся поработать (в субботу и в воскресенье бригада работала

с четырёх часов дня, то есть во вторую смену).

Смутно я всё помню – весь тот период остался у меня в памяти в мрачных тонах.

Анализы я сдал и вышел на работу. Работаю нормально, всё как обычно, только голову я

автоматически стараюсь беречь и держу неестественно ровно, прямо. И именно на работе я

заметил, что у меня начался надлом в психике. На горне, на подрыве металла я упал.

Упасть на подрыве металла просто, все падают, так как лом часто срывается и человек

теряет равновесие, но я никогда не падал. Я вообще не люблю падать нигде и никак. А тут

упал. И упал плохо, на спину, навзничь и ударился затылком об пол (а пол на горне

металлический, состоит из металлических плит). Я упал, долго не мог прийти в себя и встал

с трудом. Это случилось в воскресенье, около десяти часов вечера. Это был конец. После

этого падения у меня на лице усилилось выражение недоумения и растерянности. Более

того: появилось выражение беспомощности. Я своё лицо не помню, какое оно было тогда, но какое у меня выражение лица я определял по выражению лиц у других людей и по взглядам, которые на меня бросали. В воскресенье, пятого января, я работал плавильщиком последний день.

В понедельник иду к невропатологу (анализы были нормальными). Невропатолог –

Пономаренко, женщина в годах, но молодая, с зачёсанными назад волосами. Запах гнили из рта. С ней была молоденькая Клара, тоже невропатолог. В этом же кабинете сидела

окулист – старуха с противным, безобразным лицом. Это были – ведьмы, а сцены, которые

разыгрывались в этом кабинете, я не могу назвать иначе, как шабаш. Посмотрела эта

Пономаренко – всё нормально. Открыла больничный, поставив диагноз «дистония». Сволочь, как я потом понял, так как дистония – это заболевание, присущее большей частью пожилым женщинам. Ещё и гнусность мне сказала, подонка:

-Ну, не все же выдерживают работу плавильщиком
Вони подпустила, значит. И ещё успокаивает меня:

-Да что вы волнуетесь, у вас всё нормально, отдохнёте, и всё пройдёт.

«Ну, конечно, я сейчас пойду и успокоюсь!» со злобой по-

думал я. Направила эта

Пономаренко меня на ЭХОг, в другой поликлинике сделали мне ЭХОг – всё нормально, отклонение всего на миллиметр. Что такое ЭХОг, я толком не знаю, к вискам

приклеиваются какие-то штуки и на экране наблюдаются волны. А я уже между тем на уши встал – чую гибель.

Шестого января вечером пришли гости, дядя с тётёй, и выпил я немного водки.

Вышел провожать гостей, иду и вдруг – щих! У меня в голове прямо в мозгу, в одном

28

месте, слева, горячо становится, прямо горячая вспышка в мозгу, горячая. Никогда в

жизни у меня не было такого. Пришёл домой, и появились у меня самые чёрные

подозрения. И хотя я знал, что у меня рак, я не думал, что это уже непосредственно конец, я полагал, что ещё есть время, месяцы, во всяком случае, недели, можно что-нибудь

придумать, успеть вывернуться. И я не думал, что это – самое страшное, я полагал, что у

меня киста, переходящая в рак, что-то в этом роде. Ведь я ничего не знал, ведь нигде не

было никакой информации, ни у кого ничего нельзя было узнать! Что это конкретно, как

это действует, каков сам процесс, я не мог понять. Как я

ни гадал, я не мог понять, от чего это? в чём причина? Удар на реке, падение в воду? Не может быть, ведь сотрясения сильного не было, да и вся сила удара пришлась не на голову, а на шею, это был общий удар. Гадал, гадал и не мог причину найти. От операции я сразу и однозначно отказался.

Почему? Потому что я знал, что у меня необыкновенно крепкий череп, я всерьёз полагал, что операции не выдержу, умру от контузии – мой череп пробить чрезвычайно трудно. Да и

потом, какая разница как помирать – с операцией или без. Даже в случае успешной операции я остался бы инвалидом и потом всё равно бы умер. Я вообще против

операционного вмешательства. Для меня операция – это крайняя мера, когда уже ничем нельзя помочь. В моём же случае об операции не могло быть и речи – я был слаб и

истощён работой на заводе. Звонил сестре, спрашивал у неё, что такое киста, рак мозга

(сестра моя двоюродная работала в поликлинике медсестрой). У знакомых посмотрел

Малую медицинскую энциклопедию – ноль, ничего нет. Узнал только, что рак мозга болезнь редкая в СССР. Потом сестре я сказал, что на операцию

я не пойду.

У меня было ощущение, будто я тону. Волна за волной накатываются, покрывают

меня с головой, я захлёбываюсь и теряю опору под ногами, дно из-под ног ускользает, и я

оказываюсь в подвешенном состоянии. На душе тяжело, муторно, глаза суженные, зрение

ненормальное, ничего вокруг не вижу – будто в иной мир попал. Во всяком случае, у меня

осталось ощущение, что цветов, красок и блеска я не различал – всё было мрачно.

Седьмого января утром я просыпаюсь, встаю и делаю шаг – нога встаёт совсем не

туда, куда ей положено вставать. Ставлю ногу на место, делаю шаг другой ногой – и другая

нога встаёт не туда. Не понял! Постоял немного, собрался, пошёл. Один дверной косяк

задел, другой. Вышел на улицу, иду и вдруг с ужасом замечаю, что прямо идти я не могу – у

меня ноги заплетаются, и меня носит из стороны в сторону. Дохожу до угла, перекрёстка, мне нужно было повернуть налево и я не смог сразу повернуть. Я не смог на ходу сделать поворот налево, я запутался и ногами, и руками, и туловищем. Для того, чтобы повернуть, мне нужно было остановиться, повернуться и только потом продолжать движение.

Зашёл в магазин «Мелодия» и говорил с директором (это

женщина была) о

выпуске своей пластинки! Она испугалась, смотрела на меня дикими глазами, а я ей

говорю о записи своего альбома! Вышел от неё и в коридоре ноги у меня заплелись, и я

чуть не упал. Паника, не паника, но я бросился, чувствуя кончину, пытаться записать свои

песни. Это было чистейшее безумие! Увидел в коммерческом магазине синтезатор «Касио» и

хотел найти на него деньги. Был у председателя профкома завода Пфаненштиля, был у

директора завода Новикова ... Новикову я изложил идею сотрудничества телеагентства

«РИКА» со студией «Панорама». В дальнейшем, кстати, такое сотрудничество было

налажено, мой же целью было получение «Корга» (в студии я мог получить доступ к

синтезатору, а в агентстве – нет, из-за Кунбаева). Я был в ДК «Металлург», где мне даже

дали комнату и обещали аппаратуру. Безумие, безумие! Но – безумием это было только

потому, что я пытался заниматься музыкой, когда у меня начался паралич. А так, с точки

зрения разума, я всё делал правильно.

Колоссальным усилием воли мне удалось остановить развитие паралича. Поняв

всю непосредственную опасность, я зажал себя в железный, стальной кулак и взгляд у меня страшный стал тогда – я ни на минуту не расслаблялся, жил в постоянном напряжении (можно сказать, я был натянут и вытянут, как струна, тем более, что и голову я не мог поворачивать назад – назад я смотрел, повернувшись всем телом). Я стал контролировать каждое своё движение, каждый свой шаг. Походка у меня стала железной, все движения были неестественно правильными. А сам думаю: ну, сутки я продержусь, двое, трое, ну, неделю я продержусь, а потом что? Ведь что-то надо делать! А что делать, я

29

не знаю! Психика у меня нарушилась, ломкая стала – мне всё время плакать хотелось (я и плакал). Мне скажут грубость, а я ответить не могу, на лице гримаса типа: зачем вы меня обижаете, ведь мне жить недолго осталось ... И это своё состояние я изменить не мог.

Девятого января иду на приём к этой Пономаренко, стал заходить в кабинет, а

сзади двое мужчин-рабочих переговариваются (одного я знал, когда-то с ним работал):

-Что-то к невропатологу народу много...

А второй отвечает гнилым голосом, с издёвкой такой:

-А у невропатолога больничный (лист) получить легче
Я сперва не понял, ко мне, что-ли, это относится? После
вышел – этих уродов уже не
было. Тому уроду я пожелал такого же больничного листа.
В наше время такой
больничный получить нетрудно, так что, думаю, когда-ни-
будь этот слесарь вспомнит свои
слова. Да поздно будет. Кстати говоря, говно пошло на ме-
ня сразу, как только я стал
уходить – сволочи радовались и тому, что я умираю – до-
прыгался! и тому, что можно надо
мной изгаляться – в дополнение к этому эта вонючая тол-
па выставляла меня, считала
меня симулянтом, хотя все до единого знали, что я смерт-
ник). Уже тогда, в те дни, я повёл
счёт мерзавцам, свой личный счёт.
Пономаренко мне говорит:
-Ну, ЭХОг у вас нормально, теперь давайте снимок сдела-
ем. И вы успокойтесь, и мы.
Я про себя думаю: «да ты, дубина, знаешь, что я теперь
могу успокоиться только в
гробу?»
Насколько я мог понять тогда, эта Пономаренко с самого
начала искусно играла роль
дурочки – будто она не видела и не понимала, что я стою
на краю могилы. Мною же

владел психологический комплекс — я никому не говорил, что я знаю, что у меня рак, и я никому не говорил о начавшемся параличе. Я не мог этого говорить.

Десятого января иду делать рентгеновский снимок. Это была городская

поликлиника, в которой я обслуживался по месту проживания — проспект Победы. Один

рентгенолог, Нурлан, оказался знакомым, он тоже занимался вольной борьбой. Снимок

делала Наташа, хорошая такая баба, и симпатичная, и опытная. Когда снимали, почувствовал себя Корчагиным (Корчагин — Островский стал инвалидом в 24 года). Минут через десять-пятнадцать Наташа выносит снимок и в центре кабинета смотрит его на свет

(снимок ещё мокрый был):

-Операцию не делали, проломов черепа не было?

-Нет

Я увидел снимок с расстояния трёх метров, с порога, и закачался — блямба была

очевидной. Это была опухоль. Описание снимка дал шал (дед), рентгенолог-краниограф

Оспанов. Кранио по-латински череп.

Потом сижу в коридоре, ещё несколько парней ждут результата. Оспанов выходит и, обращаясь к парням:

-У тебя перелом, к хирургу в 13-й кабинет. У тебя тоже перелом, к хирургу. А у тебя трещина, тоже к хирургу.

Обрадованные парни ушли. Я заметил, что человек радуется, когда его собственный диагноз совпадает с врачебным, мол, я не симулянт и не мнительный идиот. Обращаясь ко

мне:

-А ты зайдёшь

Зашёл.

-Садись

Сел.

-Что за травма была?

Я говорю:

-Травмы как таковой не было, головой ударился.

Он хотел что-то сказать, но осёкся, пошёл писать. Я всё понял. В дальнейшем Оспанов

оказался мелким жуликом, пытался крутить и мутить, затемняя картину моего

заболевания, но тогда он сделал всё правильно – написал то, что было: «отмечается

затемнение прямоугольной формы». Он написал это только потому, что ничего иного там

нельзя было написать – всё было очевидно, предельно ясно.

Пришёл я домой, сел за стол и рассмотрел снимок.

Рассмотрел я снимок, положил руки на стол, голову на руки и заплакал. Всё

вокруг, весь мир перестал для меня существовать, не волновали даже мать с братишками.

Я был один на один со своей бедой, и никто ничем мне не мог помочь. Двадцать семь лет, неженатый, ничего ещё не успел сделать и - в могилу. Жалко было свою жизнь и, почему-то, своё тело. Со снимка на меня смотрела моя смерть – чёрная дыра. Если до этого я на что-то надеялся, думал, что меня постигло не самое страшное, то снимок снял последнюю

надежду. Может быть, в раке это самое страшное – живёшь и знаешь, что рано или поздно

умрёшь. Более того – я сам, собственными глазами, видел, от чего я умру.

Ни о каких неделях не могло быть и речи. Счёт шёл на дни и часы. Я понял, что

метроном уже отстукивает последние мгновения моей жизни. И, главное, помимо моей воли.

Мне это не понравилось резко, я больше всего не люблю, когда что-либо происходит

помимо моей воли. Я всегда себя контролировал и не допускал неконтролируемых действий.

Свобода и независимость, воля, право выбора, самостоятельность принимаемых решений –

вот мои жизненные установки. А тут болезнь подкралась и исподтишка, незаметно решила

меня убить, да ещё так, чтобы я этого не заметил. Болезнь хотела убить меня так, чтобы я

воспринял конец как нечто вполне обыкновенное, естественное. Я взъярился, потому что

такого решения – умереть, я не принимал. И как это – какая-то болезнь за меня решит мою

жизнь?! Я этого допустить не мог. Я решил сопротивляться и бороться до последнего.

Буквально, так и было – состояние подавленности и чувство жалости к самому себе, к

своей жизни длилось недолго, несколько минут. Там же, за столом, я взъярился, встал на

дыбы и принял решение. Я решил не умирать.

А что я мог сделать?! Ведь шансов нет! Вообще нет никаких! Тогдашнее моё

состояние передать невозможно. Это очень страшно – сознавать, что ты умрёшь, не когда-нибудь, а сейчас, в течение трёх дней, максимальный максимум – недели. Я понял, что если

я сейчас не найду выход – мне амба, хана. Физически я мог бы ещё просуществовать

некоторое время, но уже без всякой надежды на жизнь, да и человеком я уже не был бы.

В глубине души я понимал, что я не вынесу ужаса блед-

ного существования: я уже видел

себя парализованным, в кресле, не могущим говорить, плачущим... Я прекрасно понимал, что я не допущу такого состояния у себя – лучше повеситься. Также я прекрасно понимал, что такая моя смерть будет страшным ударом для близких и злорадный хор врагов уже

был слышен мне – вот так, без борьбы, я умереть не мог. Но у меня был снимок, я уже не

был слепым и видел картину своего мозга. Вновь и вновь я рассматривал снимок. Три дня

шарики в голове крутились с бешеной, сверхсветовой скоростью. И днём, и ночью, я искал

выход – о, боги! как работал мой мозг! Надо сказать, что все десять дней у меня было

ощущение, что мозги «сели», вот как в автомобиле аккумуляторы, энергетика моя упала –

то, что я делал раньше автоматически, теперь требовало двойных, тройных усилий -

движения рук, движения ног, речь, буквально всё. Мать и братишек я предупредил, что

возможен паралич – в случае паралича я давал согласие на операцию. Страшно было так, что передать невозможно. Фактически в любой момент я мог отключиться. Самое страшное

состояло в том, что некому было оставить свои рукописи и акустические альбомы – ещё

осенью я записал все свои песни на кассеты. Я еле ходил, напряжение в голове достигло какой-то немыслимой точки. Как я метался! Как воин берсеркер в кругу направленных на него копий! Как смертельно раненый лев, как ревущее пламя!

Тринадцатого января вечером я сел (удивляюсь своей наглости), взял листы

бумаги и написал: «Метода борьбы с раком мозга». И изложил эту самую методику, листов

пять-шесть, по-моему, потом в течение января дописывал, добавлял всякие существенные

моменты. Но основное я изложил тринадцатого января. С этого дня я стал жить по

программе, как робот-терминатор. Всё отбросил в сторону, стал жить по одной линии.

Сейчас пишу, тяжело вспоминать – дурно становится. Сегодня воскресенье, 13 сентября, а

тогда был понедельник, 13 января. Восемь месяцев прошло.

Ходил я с трудом, но ходить нужно было. Если я долго сидел, то меня начинало

закручивать в штопор: глаза мертвели, лицо обезжизнелось, нападали страшная

усталость, тяжесть, наступало оцепенение и тянуло в смертный сон. В таком состоянии

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.